

ВЫСТУПЛЕНИЯ СОВЕТСКИХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ
В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ
(ЯНВАРЬ — ДЕКАБРЬ)

ОБРАЩЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ СССР
К СОВЕТУ БЕЗОПАСНОСТИ
ПО ПОВОДУ ПОЛОЖЕНИЯ В ГРЕЦИИ

(21 января)

«Уважаемый г-н председатель!

Делегация Союза ССР, действуя по поручению Советского правительства, в соответствии со статьёй 35 устава организации Объединённых наций, считает необходимым обсудить в Совете Безопасности положение, создавшееся в Греции.

Пребывание британских войск в Греции после окончания войны не вызывается теперь и интересами охраны коммуникаций для британских войск, находящихся в побеждённых странах. С другой стороны, пребывание британских войск в Греции превратилось в средство давления на внутривнутриполитическое положение в стране, нередко используемое реакционными элементами против демократических сил страны. Такое положение, означающее вмешательство во внутренние дела Греции при помощи вооружённых сил иностранной державы, создало чрезвычайное напряжение, чреватое тяжёлыми последствиями как для греческого народа, так и для поддержания мира и безопасности.

Ввиду указанных выше обстоятельств советская делегация просит Совет Безопасности обсудить данный вопрос и принять предусмотренные Уставом меры для устранения создавшегося положения.

Примите и пр.

Исполняющий обязанности руководителя делегации СССР
Андрей Громыко».

(ТАСС)

ОБРАЩЕНИЕ ДЕЛЕГАЦИИ УССР
К СОВЕТУ БЕЗОПАСНОСТИ
ПО ПОВОДУ ПОЛОЖЕНИЯ В ИНДОНЕЗИИ

(21 января)

«Уважаемый г-н Мэйкин! Делегация Украинской ССР на первую сессию Генеральной ассамблеи организации Объединённых наций, действуя по поручению своего правительства, обращает на основании статьи 35 пункта 1 устава организации Объединённых наций внимание Совета безопасности на положение, создавшееся в Индонезии.

Как известно, в этой стране на протяжении ряда месяцев ведутся направленные против местного населения военные действия, в которых принимают участие как регулярные английские войска, так и вражеские японские вооружённые силы.

По мнению украинского правительства, это положение создаёт состояние угрозы поддержанию международного мира и безопасности, что подпадает под действие статьи 34 устава.

Украинская делегация просит Совет безопасности произвести необходимое расследование и принять предусмотренные уставом меры для устранения создавшегося положения.

Примите и пр.

Руководитель Украинской делегации Д. Мануильский».

(ТАСС)

«Известия» № 21 (8937)
от 24 января 1946 г.

ПИСЬМО А. Я. ВЫШИНСКОГО
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
В СВЯЗИ С ОБРАЩЕНИЕМ ИРАНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

(24 января)

Представителям печати объявлен текст письма от 24 января, с которым руководитель советской делегации на сессии Генеральной ассамблеи организации Объединённых наций А. Я. Вышинский обратился к председателю Совета безопасности. Письмо гласит:

«Делегация Советского Союза, по поручению Советского Правительства, считает необходимым, в связи с обращением в Совет Безопасности иранской делегации, заявить следующее.

1. Утверждение иранской делегации о вмешательстве Советского Союза через посредство своих должностных лиц и вооружённых сил во внутренние дела Ирана не соответствует действительности и лишено всякого основания. В данном случае иранская делегация повторяет заявление, сделанное иранским правительством Советскому Правительству в ноябре 1945 г. Это заявление было, однако, категорически опровергнуто Советским посольством в Иране в ноте от 26 ноября. Нельзя не отметить также, что в своей ответной ноте

от 1 декабря 1945 г. иранское правительство не только не опровергло фактов, изложенных в советской ноте от 26 ноября, но выразило, как говорится в указанной иранской ноте, — «свое удовлетворение, в связи с тем, что, как свидетельствует содержание ответной ноты посольства, вмешательство советских служащих во внутренние дела Ирана в северных останках не соответствует действительности». Больше того, в этой же ноте министерство иностранных дел Ирана «выражает свою радость по поводу того, что, как указывалось, советские служащие полностью уважают тройственный договор и декларацию руководителей трёх великих и союзных Ирану держав, подписанные и опубликованные в Тегеране».

Указанные факты достаточно убедительно говорят о неправильности и беспочвенности заявления иранской делегации о каком-то вмешательстве со стороны Советского Союза во внутренние дела Ирана.

2. Не соответствует действительности также заявление иранской делегации о том, что иранское правительство пыталось вступить по данному вопросу в переговоры с Советским Правительством, но безуспешно. Приведённые выше факты опровергают это заявление иранской делегации, так как иранское правительство не только пыталось, но и вело переговоры с Советским Правительством по данному вопросу, как это видно также из указанной выше иранской ноты от 1 декабря.

3. Советская делегация считает необходимым указать, что иранское правительство пытается использовать пребывание иностранных войск в Иране для того, чтобы это обстоятельство изобразить, как нарушение иранского суверенитета и как причину происходящих в Иранском Азербайджане событий. Между тем, пребывание советских войск на территории Ирана является вполне правомерным, поскольку это право предоставлено Советскому Правительству советско-иранским договором от 26 февраля 1921 года и советско-англо-иранским договором от 1942 года. События же в Иранском Азербайджане никакой связи с пребыванием здесь советских войск не имеют, как об этом свидетельствуют неопровержимые и совершенно объективные факты. Эти события носят исключительно внутренне-иранский характер.

Как известно, в Северном Иране дело идёт о стремлении населения Северного Ирана к национальной автономии в пределах иранского государства и об осуществлении пожеланий местного населения, не представляющих чего-либо необычного для демократического государства.

4. Советская делегация не может вместе с тем не обратить внимания на то обстоятельство, что за последнее время в Иране усиливается враждебная Советскому Союзу пропаганда, при явном попустительстве со стороны иранского правительства. Эта пропаганда ничем не отличается от фашистской пропаганды, которая велась в своё время против Советского Союза при Реза-шахе.

Враждебная Советскому Союзу антидемократическая и погромная деятельность реакционных сил в Иране, пользующаяся поддержкой некоторых иранских влиятельных групп из правящих

кругов и полицейских властей, создаёт для Азербайджанской ССР и для Баку опасность организации враждебных действий, диверсионных актов и т. п.

Советское Правительство, однако, считает, что подобного рода вопросы, касающиеся взаимоотношений между двумя соседними странами — СССР и Ираном, — могут быть и должны быть урегулированы путём двусторонних переговоров между Советским Правительством и иранским правительством. Советское Правительство от такого способа урегулирования подобного рода вопросов, возникающих между союзными правительствами, не отказывалось и не отказывается.

5. Ввиду изложенного и исходя из того, что в данном случае отсутствуют условия, предусмотренные статьями 34 и 35 устава организации Объединённых наций, советская делегация считает обращение иранской делегации в Совет безопасности лишённым всякого основания и категорически возражает против рассмотрения Советом безопасности указанного обращения иранской делегации».

(ТАСС)

«Известия» № 23 (8939)
от 26 января 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПО ПОВОДУ ОБРАЩЕНИЯ ИРАНСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ

(28 января)

«Я считаю необходимым сделать следующее заявление. Как я сказал ранее, я оставляю в стороне вопросы, поднятые иранской делегацией по поводу существа дела, и я коснусь лишь процедурной стороны. Я постараюсь привести доказательства в опровержение фактов, представленных тем иранским правительством, которое уже не у власти и претензии которого не имеют никаких оснований.

Поднятые иранским правительством вопросы изложены в двух иранских заявлениях. Но эти вопросы не могут быть предметом обсуждения в Совете безопасности, поскольку они не отвечают условиям, установленным для этого в уставе. Однако я должен буду коснуться полутно некоторых фактических данных, неправильно и тенденциозно освещённых иранской делегацией. Сейчас является необходимым решить, должен или не должен Совет безопасности заниматься вопросом, поставленным бывшим иранским правительством Хаками, имевшим, очевидно, задачу поправить ухудшившиеся существующие между Ираном и Советским Союзом отношения.

Перехожу к процедурной стороне вопроса. Здесь имеются два основных момента. Во-первых, необходимо установить, были ли нет переговоров между иранским и советским правительствами. Во-вторых, необходимо рассмотреть результаты таких переговоров. В первой декларации, сделанной иранской делегацией Совету

безопасности 19 января, иранская делегация заявляла, что иранское правительство неоднократно пыталось вступить в переговоры с советским правительством, но не достигло успеха. Сейчас, как и во втором документе, иранская делегация уже признаёт, что иранское правительство не только пыталось вступить в переговоры с советским правительством, но что такие переговоры действительно имели место. Таким образом, иранская делегация сама опровергла своё первое утверждение. Остаётся второй вопрос, а именно: каковы результаты этих переговоров?

В своём заявлении 24 января в Совете безопасности советская делегация указывала, что иранское правительство в ноте от 1 декабря выражало своё удовлетворение в связи с заявлением советского правительства, содержащимся в его ноте от 26 ноября. Иранская делегация указывает на неточность перевода иранской ноты и старается представить дело так, будто оно не было удовлетворено результатами обмена нотами между советским правительством и иранским правительством в ноябре прошлого года. Я не буду поднимать спора филологического характера и вообще не буду спорить по поводу правильности или неправильности тех отдельных слов, на которые ссылается иранская делегация. Я воспользуюсь тем текстом ноты иранского правительства от 1 декабря, который разослала иранская делегация членам Совета безопасности. Из этого текста следует, как это ни желательно отрицать иранской делегации, что иранское правительство в лице своего министерства иностранных дел отметило с удовлетворением содержание заявлений, изложенных в советской ноте от 26 ноября. Для того, чтобы решить, какого характера были эти заявления, необходимо, разумеется, обратиться к этим заявлениям, т. е. к ноте советского правительства от 26 ноября. Обратившись к этой ноте, можно убедиться, что в советском заявлении говорилось о том, что вмешательство советских служащих во внутренние дела Ирана в северных останках не соответствует действительности, что, наоборот, в советской ноте от 26 ноября вовсе не говорится о том, что «впредь подобные инциденты не будут повторяться», как это утверждает ныне иранская делегация. В самом деле, как могла нота иранского правительства, датированная 1 декабря, выражать удовлетворение по поводу заявления советского правительства, что сами «инциденты не будут повторяться», если советская нота, по поводу которой иранское правительство выражало удовлетворение, не содержит в себе заявления, что «инциденты не будут повторяться». Но имеется и другое место в иранской ноте от 1 декабря, доказывающее, что иранское правительство в это время было удовлетворено. Цитирую его по тексту, присланному г-ном Таги-заде: «Ваше заверение (т. е. заверение советского правительства, содержащееся в ноте от 26 ноября) в том, что должностные лица Советского Союза полностью уважают условия трёхстороннего договора и декларации, подписанной в Тегеране тремя великими державами (которые являются союзниками Ирана), также является источником удовлетворения».

Таким образом, совершенно очевидно, что иранское правительство было удовлетворено результатами переговоров, происходивших

в ноябре 1945 года между советским и иранским правительствами по вопросу, который сейчас иранское правительство добивается поставить на рассмотрение Совета безопасности.

Я должен также отметить, что в это время, т. е. в декабре 1945 года, иранское правительство не проявляло желания продолжать переговоры по данному вопросу. В доказательство можно привести следующий абзац из той же ноты иранского правительства от 1 декабря:

«В ответ на ваше письмо,— говорится в этой ноте,— в котором вы отвечаете, что обвинение относительно вмешательства советских официальных лиц в наши внутренние дела в северных провинциях не обосновано, министерство иностранных дел не желает в настоящее время давать дальнейших объяснений по этому вопросу и возвращается к освещению обстоятельства дела».

Как же теперь иранская делегация заявляет, что попытки иранского правительства вступить в переговоры с советским правительством не дали результатов?

Из всего сказанного выше видно, что этот результат был налицо. Видно также, что переговоры не велись после 1 декабря, потому что этого не хотело само иранское правительство, которое, очевидно, не видело в этом необходимости. Можно ли в самом деле на основании изложенных выше фактов говорить, что переговоры между советским правительством и иранским правительством не имели успеха? Советское правительство отвечает: нет, этого говорить нельзя. В действительности были достигнуты результаты, и эти результаты были таковы, что иранское правительство не считало нужным продолжать эти переговоры.

Иранская делегация здесь ссылалась также на ноты, датированные более поздними числами декабря — 13 и 15 декабря. Эти ссылки иранской делегации на указанные ноты преследуют цель показать, что и после 1 декабря иранское правительство обращалось к советскому правительству с аналогичными претензиями, которые, однако, якобы не были удовлетворены. Но если обратиться к этим нотам иранского правительства, то окажется, что они говорят не о претензиях, с которыми ранее иранское правительство обращалось к советскому правительству, а поднимают совершенно новые вопросы, а именно вопрос о том, чтобы Московская конференция трёх министров обсудила пожелание иранского правительства о выводе из Ирана иностранных войск, о том, чтобы на Московской конференции не принималось никаких решений без предварительной консультации с иранским правительством. Можно поэтому утверждать, что после 1 декабря иранское правительство не повторяло своих претензий к Советскому Союзу, и ссылка на ноты от 13 и 15 декабря не имеет никакого отношения к вопросу, поставленному иранской делегацией перед Советом безопасности. Что касается существа этих декабрьских нот, в которых затрагивается вопрос о выводе иностранных войск из Ирана, то это предусмотрено договором 1942 года, установившим, как известно, для этого соответствующий срок. Как также известно, Московское совещание трёх министров иностранных дел не обсуждало иранских вопросов и,

следовательно, претензия Хакими, заявленная в своё время по поводу того, что он не был приглашён на Московскую конференцию, лишена всякого основания

Подведу итоги этой части своего заявления. Считаю доказанным, что в ноябре 1945 года между советским правительством и иранским правительством происходили переговоры по поводу предъявленных иранским правительством претензий и что эти переговоры дали удовлетворительный результат. Теперь иранская делегация, по указанию иранского правительства, сменённого, как известно, ныне другим правительством, заявляет, что эти переговоры она не считает удовлетворительными. В таком случае иранская делегация имеет все возможности вновь обратиться к советскому правительству за выяснением интересующих её вопросов. В своём заявлении Совету безопасности советская делегация писала, что советское правительство не может не обратить внимания на то, что за последнее время в Иране усилилась враждебная Советскому Союзу пропаганда при явном попустительстве со стороны правительства Хакими. Советская делегация писала, что эта пропаганда ничем не отличается от фашистской пропаганды, которая велась в своё время против Советского Союза при Реза-шахе. В этом заявлении далее говорилось: «Враждебная Советскому Союзу антидемократическая погромная деятельность реакционных сил в Иране, пользующихся поддержкой некоторых иранских влиятельных групп из правящих кругов и полицейских властей, создаёт для Азербайджанской ССР и для Баку опасность организации враждебных действий, диверсионных актов и т. п. Советское правительство, однако, считает, что подобного рода вопросы, касающиеся взаимоотношений между двумя соседними странами — СССР и Ираном, — могут быть и должны быть урегулированы путём двухсторонних переговоров между советским правительством и иранским правительством. Советское правительство от такого способа урегулирования подобного рода вопросов, возникающих между соседями, не отказывалось и не отказывается».

Я спрашиваю теперь Совет безопасности, имеется ли какое-либо основание для рассмотрения Советом безопасности поставленного перед ним иранским правительством Хакими и иранской делегацией вопроса? Я отвечаю: нет, такого основания не существует.

Таково фактическое положение дела. Я хотел бы, однако, проанализировать обоснованность иранского заявления в Совет безопасности и с юридической точки зрения, с точки зрения соответствия этого заявления иранской делегации уставу организации Объединённых наций.

Такому анализу я должен подвергнуть обстоятельства этого вопроса в связи со статьями 33, 34, 36, 37 устава. В статье 33 устава говорится: «Стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путём переговоров, обследования...» и т. д., как указывается в этой статье.

Устав организации, следовательно, обязывает членов организации стараться разрешить спор путём переговоров и т. д. и даже,

как это говорится в дальнейшей части этой статьи, может требовать от сторон разрешения их спора при помощи средств, указанных в статье 33.

Если сопоставить содержание статьи 33 со всеми обстоятельствами, о которых говорила здесь иранская делегация, то станет совершенно очевидно, что Совету безопасности в данном случае не придется предъявлять Советскому Союзу какие-либо требования, предусмотренные в статье 33.

Следующая, относящаяся к этому вопросу статья 34 гласит:

«Совет безопасности уполномачивается расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может привести к международным трениям или вызвать спор, для определения того, не может ли продолжение этого спора или ситуации угрожать международному миру или безопасности».

Достаточно сопоставить обстоятельства, о которых говорила здесь иранская делегация, со статьёй 34, чтобы не оставалось никакого сомнения в абсолютной непричастности к данному вопросу этой статьи, имеющей в виду спор или ситуацию совершенно иного порядка. Назову дальше статью 36 устава:

«Совет безопасности уполномачивается в любой стадии спора, имеющего характер, указанный в статье 33, или ситуации подобного же характера, рекомендовать надлежащую процедуру или методы урегулирования».

Эта статья здесь неприменима, так как для такого рода рекомендаций здесь нет места, поскольку советское правительство отчётливо заявляло о том, что считает единственно приемлемым способом урегулирования таких вопросов между соседними странами — двухсторонние переговоры.

Наконец, статья 37:

«Если стороны в споре, имеющем характер, указанный в статье 33, не разрешат его при помощи указанных в этой статье средств, они передают его в Совет безопасности».

Эта статья имеет в виду положение, когда стороны не могли или оказались не в состоянии договориться. Совершенно очевидно, что такого положения в данное время в отношениях между СССР и Ираном нет и, следовательно, нет и основания для применения статьи 37 устава.

Анализ указанных выше статей устава неоспоримо доказывает, что Совет безопасности не имеет никаких оснований для рассмотрения по существу заявлений иранской делегации. Советская делегация предлагает предоставить Советскому Союзу и Ирану самим урегулировать настоящее дело. Советская делегация, внося такое предложение, исходит из интересов добрососедских отношений между членами организации, из интересов укрепления международного доверия и благожелательного отношения друг к другу и стремления к укреплению единства и дружбы в рядах организации Объединённых наций».

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПИСЬМА СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ ПО ПОВОДУ ПОЛОЖЕНИЯ В ГРЕЦИИ

(1 февраля)

21 января советская делегация по поручению советского правительства, руководствуясь статьёй 35 устава организации Объединённых наций, вошла в Совет безопасности с предложением обсудить положение, создавшееся в Греции, и принять предусмотренные уставом меры для устранения этого положения.

Я считаю необходимым напомнить, что не в первый раз советское правительство возбуждает перед союзниками вопрос о положении в Греции. Это уже имело место в связи с Ялтинской декларацией, а также в 1945 году на конференции в Берлине, когда советское правительство представило меморандум, в котором описывается это положение как такое, при котором нет должного порядка, где не уважают законов, где свирепствует террор, направленный против демократических элементов, вынесших на своих плечах основную тяжесть борьбы с немецкими оккупантами в Европе.

В этом меморандуме советское правительство указало также на то обстоятельство, что тогдашнее греческое правительство нарушает мир со своими соседями, а также угрожает войной Албании и Болгарии.

Несколько позже, а именно в сентябре 1945 года, советское правительство представило первой сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне второй меморандум о положении дел в Греции, в заглавной части которого говорилось следующее:

Сообщения, поступившие из Греции, свидетельствуют о том, что внутрисполитическое положение страны продолжает оставаться чрезвычайно напряжённым, чреватым тяжёлыми последствиями как для греческого народа, так и для положения безопасности соседних с Грецией стран.

Наконец, во время Московского совещания трёх министров 16—26 декабря 1945 года вновь возник вопрос о положении в Греции, причём в то время этот вопрос уже связывался с вопросом о пребывании в Греции британских войск. Однако этот вопрос не подвергался обсуждению.

Я счёл необходимым привести эту короткую справку для того, чтобы показать, что меморандум советской делегации от 21 января 1946 года вовсе нельзя рассматривать как какой-то совершенно неожиданный акт. Наоборот, из приведённой мною справки можно убедиться, что меморандум советской делегации от 21 января 1946 года явился одним из актов, которому предшествовал ряд обстоятельств, именно таких обстоятельств, которые способны опровергнуть положение о неожиданности демарша советской делегации,

о неожиданности обсуждения в Совете безопасности меморандума от 21 января этого года, возбудившего этот вопрос.

Я должен напомнить, что в меморандуме советской делегации от 21 января по существу были поставлены четыре основных вопроса:

1) В Греции создалось крайне напряжённое положение, чреватое тяжёлыми последствиями как для греческого народа, так и для поддержания мира и безопасности.

2) Пребывание в Греции британских войск не вызывается необходимостью, так как оно не вызывается интересами охраны коммуникаций британских войск, находящихся в побеждённых странах.

3) Пребывание в Греции британских войск на деле фактически превратилось в средство давления на внутривнутриполитическое положение в стране.

4) Это обстоятельство нередко используется реакционными элементами в Греции против демократических сил страны.

Таковы четыре основных положения, из которых исходила советская делегация в своём январском меморандуме.

Мне представляется, что нет особой нужды подробно останавливаться в настоящее время на заседании Совета безопасности на характеристике того положения, которое было очерчено в советском заявлении как крайне напряжённое и чреватое тяжёлыми последствиями.

Что делается сейчас в Греции? То, что там творятся ужасы, беззакония и открытый белый террор так называемых «хитосов» и тому подобного фашистского сброда, которые царят в этой стране, широко известно, и едва ли требуются какие-либо доказательства этого. Тем не менее я считаю себя обязанным, ограничиваясь самым необходимым и важным, напомнить о ряде таких фактов.

Телеграмма из Афин: Последние дни в Афинах были отмечены новым разгулом фашистского террора. Банды «хитосов», вооружённые автоматами и ручными гранатами, открыто разъезжали на машинах по рабочим предместьям, устраивали облавы и обыски, избивали и арестовывали рабочих, громили помещения демократических организаций, и всякий раз, когда население предместий вооружаясь камнями и палками, пыталось оказать отпор бандитам, на помощь последним прибывала полиция. В нескольких случаях пустились в ход ручные гранаты. Имеются десятки раненых и более сотни избитых.

Ежемесячный церковный бюллетень «Религия и народ», издаваемый в Бирмингеме, опубликовал обращение митрополита греческого города Козане. В этом бюллетене говорится следующее:

Во всех частях страны (т. е. Греции) царит террор невероятных масштабов. 20 тысяч борцов движения сопротивления избиваются и гниют в тюрьмах, где они медленно умирают. Ещё 20 тысяч находятся в концлагере в раскалённых пустынях Африки. Тысячи женщин и детей скрываются в горах, преследуемые бывшими коллаборационистами, которым нередко помогают индийские войска, расположенные в настоящее время в Греции.

Так сообщается в журнале «Религия и народ» митрополитом Иоакимом в декабре 1945 года.

Следующая телеграмма из Афин от 21 января: Вчера монархисты начали путч в Пелопоннесе. По отрывочным сведениям, в городе Каламата хорошо вооружённые монархисты в военной форме заняли полицейский участок, освободили более 30 хитосов (члены монархическо-фашистской организации «Х»), арестованных за убийство, и увели с собой находившихся в заключении сторонников ЭАМ. Судьба последних неизвестна. Монархисты совершили попытку захватить тюрьму и государственные учреждения. Результаты ещё неизвестны. Фактически Каламата находится в руках хитосов. К городу стягиваются монархические банды из провинций, их численность определяется в 3 тысячи. Многие из них, как сообщают, имеют на руках повязки с буквой «Х». Части национальной гвардии оказывают мятежникам сопротивление.

Перестрелка идёт также в Спарте, где хитосы заняли часть города. В обоих городах имеются убитые. Правительство объявило военное положение в провинциях Лакония и Мессиния. Из Коринфа и Афин в Пелопоннес посланы моторизованные части. Сегодня утром в Каламату вышел эсминец «Крит». На аэродром, расположенный вблизи Патраса, послана эскадрилья самолётов. Главарь хитосов города Каламаты Манганас объявлен вне закона. Ожидается приказ о роспуске «партии» хитосов и занятие полицией учреждений этой фашистской организации в Афинах и Пирее.

В обращении премьера, которое было отпечатано на листовках и послано на самолёте в Пелопоннес, говорится, что бунтовщика «будут предаваться военному суду, приговоры которого будут немедленно приводиться в исполнение».

Событиям в Пелопоннесе предшествовал посланный главарём хитосов полковником Гривасом премьеру ультиматум, в котором говорилось, что если правительство само не раздается с коммунистами, то хитосы «наведут порядок в стране» сами.

Министр общественного порядка заявил, что в его руки попал циркуляр, разосланный Гривасом, из которого ясно, что ответственность за события в Пелопоннесе ложится на организацию «Х». Распространявшиеся в последние дни монархической печатью клеветнические слухи о том, будто коммунисты готовят восстание, а также усиление террора во всей стране свидетельствуют о том, что события в Пелопоннесе являются лишь частью плана, подготовленного монархическо-фашистскими организациями. Поэтому вполне понятно, что несколько дней тому назад ЭАМ телеграфировал в Лондон, указывая, что обстановка становится напряжённой и что население живёт в невозможных условиях. Монархистские элементы, которым помогают иностранные элементы, установили в стране царство террора вопреки всем декларациям союзников.

Недавно лидеры ЭАМ в Афинах посетили Софулиса и английского, американского и советского послов в Греции и вручили им меморандум о положении, подтверждающий, что монархистский террор достиг крайних пределов и что монархисты стремятся к тому, чтобы изменить действительный характер выборов. С другой

стороны, существующее греческое правительство не желает подавлять этот террор. Меморандум был подписан секретарями социалистической партии, коммунистической партии и демократического союза. Этот террор направлен к подавлению лучших элементов в стране. Такова подлинная обстановка, к которой советское правительство привлекло внимание Совета безопасности.

Что касается трёх остальных пунктов советской ноты, то они относятся к присутствию английских войск в Греции и ко всем последствиям, вытекающим из этого.

Здесь, по моему мнению, необходимо раньше рассмотреть общий вопрос о том, какие могут быть основания для пребывания союзных войск в союзной стране. Этот вопрос — вопрос большого политического и морального значения, вопрос громадного принципиального значения. По мнению советской делегации, которая выражает здесь точку зрения советского правительства, для пребывания союзных войск в союзной стране могут быть основания двоякого рода: если в союзную страну вторглись вражеские войска, то войска союзников, естественно, могут оказать помощь в их изгнании из союзной страны. Именно поэтому английские войска, находившиеся во время войны поблизости к Греции, пришли в Грецию и помогли грекам изгнать оттуда немецких оккупантов. Теперь в Греции не только нет немцев, но нет для Греции и каких-либо угроз со стороны внешнего врага. Следовательно, указанное выше основание для пребывания английских войск в Греции отпадает. Так как нет первого основания для пребывания союзных войск в союзной стране, вслед за этим идёт второе соображение, которое касается другого основания для пребывания союзных войск в союзной стране, а именно: пребывание союзных войск в союзной стране может вызываться необходимостью охраны коммуникаций в побеждённой стране, где должны находиться войска данной союзной державы. Это можно сказать о пребывании английских и американских войск в Бельгии, Франции, Голландии для охраны коммуникаций с английскими и американскими войсками в Германии. Это можно сказать о пребывании советских войск в Польше для охраны коммуникаций с советской зоной в Германии.

Эти примеры показывают, что действительно для пребывания союзных войск в союзной стране могут быть весьма серьёзные основания и политического, и стратегического, и морального, и юридического значения, так как юридическая формула должна опираться на эти три основания — моральное, политическое и стратегическое.

Но в данном случае пребывание английских войск в Греции не вызывается интересами охраны коммуникаций. Иногда говорят, что британские войска находятся сейчас в Греции в целях охраны внутреннего порядка. Но охрана внутреннего порядка, совершенно очевидно, есть дело внутреннее самих греков. Охрана внутреннего порядка не должна производиться путём вмешательства иностранных войск. Это, кажется, принцип, который никогда не подлежал сомнению в рядах Объединённых наций. Мне кажется, и в настоящее время нет никаких оснований для таких сомнений. Поскольку имеет место вмешательство иностранных

войск во внутренние дела Греции, то получают те результаты, о которых мы говорили: порядка в Греции нет, и присутствие британских войск до сих пор этого порядка не обеспечило, а, наоборот, присутствие британских войск, будучи использовано реакционными элементами против прогрессивных элементов, явилось источником лишнего обострения политической борьбы, причём борьбы, которая направлена в интересах одной ничтожной части населения против другой части населения, представляющей абсолютное большинство страны. Нельзя отрицать результатов, которые выражаются в том, что имеется налицо большое обострение внутривнутриполитической борьбы в Греции, непрекращающиеся реакционные восстания, о которых я только что говорил, и те факты, которые я приводил, что, следовательно, создаёт такое положение, которое представляет серьёзную опасность для сохранения безопасности.

Так смотрит на это советское правительство и считает необходимым привлечь к этому вопросу внимание Совета безопасности.

Повторяю — могут сказать, что британские войска в Греции находятся для наведения порядка. Но ведь то, что там происходит сейчас, что происходит в Греции, не имеет ничего общего с порядком, и только при самом смелом воображении можно события, происходящие в Греции, назвать каким-то, хотя бы в относительном смысле этого слова, порядком.

Могут сказать, что если бы не было британских войск в Греции, то там было бы ещё хуже, потому что британские войска сдерживают реакционные фашистские элементы. Но мне кажется, на это можно возразить таким образом, что, во-первых, не только не доказано, что британские войска сдерживают эти элементы в их агрессивных действиях, а, наоборот, присутствие британских войск эти реакционные элементы используют как известный заслон, как прикрытие своих незаконных террористических действий. И, во-вторых, что можно подвергнуть большому сомнению, — может ли быть положение ещё более худшее, чем то, которое имеется сейчас в Греции. Поэтому этот аргумент советская делегация считает не заслуживающим никакого внимания.

Говорят также, что греческое правительство не возражает против присутствия индийских и британских войск. Но греческое правительство в данном случае допускает ошибку, поскольку оно не учитывает последствия такого положения, угрожающего осложнениями. Это видно также из недавно опубликованного заявления греческого премьер-министра Софулиса, сказавшего: все меры правительства парализуются хитосами. $\frac{4}{5}$ государственного аппарата, органов юстиции, жандармерии, полиции и офицерского корпуса — это хитосы. В провинции господствуют банды вроде банд Сурласа, которые установили своё особое государство. Они хорошо вооружены, передвигаются на лошадях и творят всё, что им вздумается.

Больше я не буду сейчас говорить о греческом правительстве ввиду того, что в этом отношении многое ещё покрыто тайной неизвестности. Я имею в виду, в частности, довольно странный случай, редко повторяющийся в политической практике, когда накануне обсуждения греческого вопроса в Совете безопасности глава грече-

ской делегации в Генеральной ассамблее г-н Софианопулос неожиданно покинул своё место, и его место было занято другим представителем по каким-то весьма и весьма неожиданным, во всяком случае странным, обстоятельствам.

Говорят, наконец, что британские войска находятся в Греции с согласия союзных государств. Что касается Советского Союза, то такое заявление не соответствует действительности, если бы оно было сделано, а оно в некоторых кругах делается. Если советское правительство в своё время вполне поддерживало необходимость пребывания британских войск в Греции, когда это вызывалось интересами или необходимостью борьбы с немцами, необходимостью полного изгнания немцев, немецких оккупантов из Греции, т. е. из оккупированных немецкими фашистами территорий, то в настоящее время, когда немцы давно изгнаны из Греции, когда война давно уже закончена, советское правительство считает, что пребывание британских войск в Греции не вызывается никакой необходимостью и ведёт, к сожалению, лишь к опасным внутренним осложнениям.

Ввиду всего вышеизложенного советская делегация от имени советского правительства настаивает на своём предложении о безотлагательном выводе британских войск из Греции.

(ТАСС)

«Известия» № 29 (8945)
от 2 февраля 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
В СВЯЗИ С ЗАЯВЛЕНИЕМ
г-на БЕВИНА ПРИ ОБСУЖДЕНИИ
ВОПРОСА О ПОЛОЖЕНИИ В ГРЕЦИИ

(4 февраля)

Я хочу остановиться на заявлении, которое здесь было в прошлом заседании 1 февраля сделано г-ном Бевинем.

Одной из характерных черт речи г-на Бевина, которую мы здесь выслушали 1 февраля, является то, что можно было бы назвать весьма свободным обращением с фактами. Поэтому мне приходится остановиться в своём сегодняшнем выступлении на этих фактах и на той своеобразной интерпретации этих фактов, которая была дана в прошлом заседании г-ном Бевинем.

Касаясь истории постановки советским правительством и советской делегацией в Совете безопасности вопроса о Греции, г-н Бевин, между прочим, сказал, что, когда бы ни возникла проблема о Греции во время переговоров с Советским Союзом, это всегда случается, когда мы обсуждаем вопрос о Румынии, Болгарии или Польше.

Г-н Бевин добавил, что этот вопрос, т. е. вопрос о Греции, всегда поднимается советской стороной в качестве контратаки против Британии. Он сказал: «когда бы мы ни затрагивали проблем, касающихся какой-либо другой части Европы». Насколько неправильно и насколько тенденциозно г-н Бевин излагает данный вопрос, можно судить по тем фактам, какие я далее хотел бы привести.

В самом деле, как обстояло дело с греческим вопросом на Берлинской конференции? На Берлинской конференции 20 июля, где председательствовал г-н Трумэн, слушалось сообщение народного комиссара иностранных дел Советского Союза Молотова о том заседании трёх министров иностранных дел, на котором рассматривался ряд вопросов, в том числе и вопрос о Греции. В этом сообщении было сказано, что государственный секретарь Соединённых Штатов Америки г-н Бирнс предложил заключить соглашение трёх держав и обеспечить в Италии, Греции, Румынии и Болгарии свободный допуск представителей прессы Соединённых Штатов Америки, Соединённого Королевства и Советского Союза с тем, чтобы этим представителям была дана возможность свободно передвигаться по стране и свободно давать свою информацию о различного рода событиях. В докладе Бирнса далее говорилось, что г-н Иден присоединился к этому предложению. Говорилось также в докладе, что Молотов заявил, что он не видит необходимости в посылке специальных наблюдателей в Румынию и Болгарию. Что касается Греции, то точка зрения советского правительства изложена в документе, который был тогда же представлен.

И вот я должен здесь заявить, и это можно подтвердить официальным документом, что в этом документе, т. е. в меморандуме советского правительства относительно Греции, ни одного слова не говорилось относительно Великобритании. В этом документе указывалось на террористический режим, который в Греции был в то время установлен под покровительством тогдашнего греческого правительства, указывалось на угрозы со стороны Греции военными действиями в отношении Албании и Болгарии.

Я не хочу быть голословным, делая такое заявление в Совете безопасности. Я мог бы просить Совет ознакомиться со всем документом от 21 июля полностью. Но, чтобы не утомлять внимание Совета и не тратить много времени на цитирование всего этого документа, я ограничусь цитированием только двух предложений, которые были внесены тогда советским правительством. Эти предложения следующие:

Восстановить в ближайшие дни дипломатические отношения с Румынией, Болгарией, Финляндией и Венгрией, так как дальнейшее промедление в этом отношении не находит себе оправдания.

И второе, что касалось непосредственно Греции, гласило:

Рекомендовать греческому регенту немедленно принять меры к образованию демократического правительства в духе соглашения, заключённого в ВаркIZE 12 февраля 1945 года между представителями тогдашнего греческого правительства и представителями греческой демократии.

Вот два положения. И вот, в заключение, в этом документе от 21 июля, который советская делегация внесла на совещание трёх руководителей великих держав в Берлине, указывалось на то, что советское правительство выражает уверенность, что изложенные выше мероприятия встретят поддержку со стороны правительства Соединённых Штатов Америки и со стороны великобританского правительства.

Вот какой документ был тогда предъявлен советским правительством, и вот этот-то документ г-н Бевин на заседании 1 февраля и назвал советской контратакой против Великобритании.

Оказывается, что, когда советское правительство предлагает рекомендовать греческому регенту принять меры к образованию демократического правительства и когда советское правительство выражает уверенность, что эту рекомендацию поддержит правительство Великобритании, г-н Бевин заявляет, что это — контратака советского правительства. Но, поистине, можно только выразить удивление о том понятии г-на Бевина об атаках и контратаках, которое он проявляет в данном случае.

Г-н Бевин в своей речи сказал, что В. М. Молотов в случаях, когда обсуждается вопрос о Румынии, Болгарии или Польше, вытаскивает из колоды короля и заявляет: «Ну, вот мой ловкий ход!» Г-н Бевин добавил при этом: «Но тогда мы ходим с туза». Я не хотел бы следовать за г-ном Бевином в уподоблении международной конференции игорному дому, в уподоблении внешней политики картёжной игре. Но если г-н Бевин предпочитает пользоваться такими аналогиями, то я мог бы сказать лишь одно, — что туз г-на Бевина мало похож на туза, и что ход г-на Бевина далеко не самый удачный трюк, как выражается сам г-н Бевин.

Я должен остановиться на втором вопросе.

Излагая историю греческого вопроса, г-н Бевин не остановился перед тем, чтобы всю вину за греческие события возложить на коммунистов. Я не имею намерения выступать здесь в качестве защитника греческих коммунистов и не имею никаких подобного рода полномочий. Я уверен, что они сами сумеют себя защитить. Но я должен, тем не менее, поскольку г-н Бевин поставил именно так вопрос, остановиться и на этой его интерпретации.

В обоснование своих обвинений г-н Бевин ссыался на отчёт делегации труд-юнионов. Я готов со всем уважением отнестись к добросовестности этой делегации и к её докладу. Но я не могу без критики принять всё, что содержится в этом докладе, и, в частности, выдержку из прочитанного г-ном Бевином доклада этой делегации. В пункте доклада, который цитировал в прошлый раз г-н Бевин, говорится, что в то время, когда английские войска двигались на север, преследуя немцев, они, т. е. немцы, проходили мимо отрядов сопротивления, двигавшихся в обратном направлении. В этом отрывке, г-ном Бевином прочитанном в прошлый раз, говорится о том, что этот факт, несомненно, свидетельствовал о том, что эти войска, т. е. войска движения сопротивления, были больше заняты вопросом возвращения в Афины для завоевания власти, чем задачей борьбы с немцами. При этом выходит, что отрицается в самом докладе деле-

гации тред-юнионов тот факт, что войска ЭАМ — ЭЛАС и вообще войска движения сопротивления в Греции принимали участие в борьбе с немцами.

Повторяю, я вовсе не имею какого бы то ни было намерения здесь выступать защитником ЭАМ или ЭЛАС, но я должен сказать, что из того, как двигался какой-то отряд этих войск сопротивления, приходиться к заключению о том, что эти войска не боролись против немцев, ни на чём решительно не основано.

Я считаю такого рода заключение, если ему придать более общий характер, совершенно неправильным. И в подтверждение этого я хочу сослаться на некоторые английские источники. Я, в частности, сослюсь на парламентские дебаты, которые имели место год тому назад в палате общин по греческому вопросу.

Позвольте мне сослаться раньше всего на выступление члена палаты общин г-на Кокса. Вот что говорил Кокс по этому поводу: «Как я всегда понимал, войска ЭЛАС нейтрализовали 10 дивизий немцев».

Его с места прерывает г-н Притт, говоря: С помощью оружия, предоставленного нами.

Кокс продолжает: «Да, и они нейтрализовали 10 дивизий немцев, они проделали весьма полезную работу, они взрывали мосты и уничтожали поезда. И тогда, когда немцы послали войска в Северную Африку, они взорвали железную дорогу в Греции, проходящую с севера на юг, и этим оказали нам большую помощь. Как я понимаю, когда мы вторглись в Сицилию, мы просили о помощи, и они нам её дали.

Я считаю, что сегодня мы не поступаем честно, когда говорим, что эти люди, которых мы снабжали оружием в течение некоторого времени, не участвовали в битвах».

Так обстояло дело, если судить по авторитетному заявлению достопочтенного Кокса, члена лейбористской партии, я думаю, не подвергающемуся никакому сомнению и исключаяющему какую бы то ни было возможность говорить о том, что здесь сказывается влияние «московской пропаганды».

Г-н Бевин говорил здесь о попытках меньшинства в Греции захватить в свои руки политическую власть и указывал, что именно это являлось причиной кровавых событий в Греции. Но в действительности причина этих событий лежит в другом. Эти так называемые меньшинства в действительности вовсе не являются меньшинством, они являются самим народом.

Я опять-таки процитирую Кокса, ибо предпочитаю говорить языком английских документов.

Г-н Кокс в указанной речи говорил: Это движение национального сопротивления, движение всего народа — оно не является добавлением к консервативной партии, лейбористской или социалистической партии и т. д. Эти партии могут участвовать в нём. Но ЭАМ — это народная ассоциация, и многие участники её не принадлежат вообще ни к какой политической партии. Это не политическое, а национальное движение, и цель, которую оно ставит перед

собой,— это освобождение Греции от владычества стран оси, реорганизация страны и освобождение народа от всякого иностранного владычества.

Изображают иногда это движение, как движение каких-то экстремистов и разбойников. Я хочу привести зачитанную г-ном Коксом выдержку из письма, полученного от английского лётчика в Салониках. Этот английский лётчик описывал демонстрацию, организованную ЭАМ. Он писал, что участники демонстрации выходили целыми семьями пешком и на повозках, старые и молодые, старики и дети, гордо неся знамёна всех наций и партий, за исключением роялистской. Они несли даже распятия. Сельские священники, знающие жизнь и настроение своего народа, были вместе с ними, идя под знамёнами ЭАМ. В деревне остались только очень старые и очень молодые. Для них демонстрация явилась чем-то вроде праздника, и они шли с улыбками на лицах. Эти мирные участники демонстрации не являются непокорной шайкой экстремистов, и если только британские войска не введут в эти районы антинародные войска, не может быть никакой гражданской войны.

Кокс далее даёт анализ того психологического результата в отношении правых партий в Греции, который получился вследствие сделанных в то время в Англии некоторых официальных заявлений. Он говорит о правых партиях в Греции: «Они почувствовали, что англичане их поддерживают и что, отказываясь пойти на компромисс с левыми, они будут пользоваться поддержкой британского оружия».

И далее говорится в отчёте, в парламентском отчёте об этих прениях: Кокс: Если мы будем поддерживать генерала Пластираса в его зверской политике, мы окажемся вовлечёнными в войну в Греции против народа, который желает только одного — быть нашим союзником.

Всё это говорилось в январе 1945 года о тогдашнем положении в Греции.

Но изменилось ли что-нибудь сейчас, и если изменилось, то в какую же сторону, в лучшую или худшую? На этот вопрос мы отвечаем твёрдо и решительно, опираясь на многочисленнейшие факты, которыми полны, между прочим, сами английские и, в частности, лондонские газеты: если положение изменилось, то оно изменилось к худшему.

Г-н Бевин здесь заявил, что опасностью миру во всём мире является непрекращающаяся пропаганда из Москвы против британского содружества наций, атака против британского правительства, будто бы, как он сказал, между нами не существует никакой дружбы. Вот в чём видит г-н Бевин опасность миру во всём мире, которая восстанавливает нас друг против друга.

Я должен сказать, что, по мнению советской делегации, ничто не может быть ошибочнее того шага, который сделал г-н Бевин этим заявлением от 1 февраля. Неужели г-н Бевин считает, что его заявление о пропаганде из Москвы, угрожающей, якобы, миру во всём мире, заявление, которое, — я тут же должен это сказать, — не имеет под собой решительно никакой почвы, что такое заявление согласуется со словами о дружбе?

Когда раздались здесь, в Совете безопасности, со скамьи английской делегации эти слова, мы все, советские делегаты, не могли не почувствовать, что вдруг пахнуло холодным дыханием печального прошлого. Мы не могли отрешиться от ощущения, что здесь присутствуют незримо мрачные тени тех, кто при своей жизни своей работой и деятельностью служил не делу дружбы, а делу вражды между нашими странами.

Это, действительно, старая песня о пропаганде Москвы.

Ещё в 1921 году лорд Керзон бросал такие обвинения советскому правительству, не останавливаясь даже перед предъявлением нам ультиматумов. Эти обвинения, однако, были легко опровергнуты, и затея лорда Керзона провалилась.

В 1926 году, в 1927 году по пути лорда Керзона пошёл тогдашний министр иностранных дел Великобритании г-н Остин Чемберлен. Он послал советскому правительству ноту об антибританской пропаганде Москвы. В то же время, как известно, действовал по своей линии министр внутренних дел Англии г-н Хикс, в поисках доказательств советской пропаганды приказавший взломать сейфы в советско-английском акционерном обществе Аркос. На этот раз, т. е. в 1926—1927 годах, эти обвинения Советского Союза в пропаганде против Британской империи с треском провалились, но остался след, след тяжёлый, след опасный.

Г-н Бевин говорит о пропаганде Москвы, когда слышит наши дружественные предупреждения по поводу положения в Греции. Когда мы говорим о бесчеловечном террористическом режиме в Греции — это, оказывается, — московская пропаганда. Когда мы говорим о том, что пребывание британских войск в Греции используется реакционными и авантюристическими элементами против интересов и самого греческого народа, и всех Объединённых наций и в том числе и Великобритании, то это тоже объявляется пропагандой Москвы и т. д.

Но пусть тогда говорят опять английские парламентарии. Предоставим им в таком случае слово.

В конце 1945 года из Греции вернулся член английского парламента г-н Морис Эдельман. Он сказал: «Страх является неотъемлемым элементом греческой жизни. Гражданская война не является причиной. Причина в том, что наше вмешательство пошло на пользу крайним правым. Правительство Вулгариса во всех случаях благожелательно относилось к противникам ЭАМ. 17 тысяч заключённых находятся в тюрьмах. Существует мало надежды на улучшение положения, поскольку, по имеющимся сведениям, в руках полиции находится 50 тысяч ордеров на арест. Акт «Хабедас корпус» не защищает этих людей. Они могут быть заключены на неопределённый срок в тюрьму по простому заявлению двух человек и одного свидетеля. Имеются тюрьмы, в которых находятся мужчины и женщины с марта месяца, и они ещё не предстали перед судом. Не приходится удивляться, что тысячи сторонников ЭАМ, опасаясь мести и тюремного заключения без суда, прячутся в горах. Сама полиция, хотя она частично очищена от коллаборационистов и от агентов батальонов безопасности, находившихся под германским контролем,

ещё не может быть названа беспристрастной. Она гораздо лучше обращается с молодчиками хитосами, роялистами, чем со сторонниками движения сопротивления. Хитосы занимаются избиванием, запугиванием и принуждением в знакомой, хотя и полузабытой манере нацистских СА тогда, когда они очищали улицу от левых.

Как может воля греческого народа быть выражена при таком положении перед выборами?»

В конце 1945 года из Греции вернулся другой член парламента, майор Л. Уилкс. Я цитирую «Рейнольдс ньюс». Он сказал: «Греческий кризис не разрешится до тех пор, пока будет продолжаться существующее положение вещей под носом у британской армии и британских политических чиновников, при котором представители лучших элементов греческой жизни рассматриваются, как преступники, и когда с ними обращаются, как с преступниками».

Наконец, я сошлюсь на выступление по греческому вопросу в палате общин, состоявшееся тогда же, лейбористского члена парламента г-на Гринвуда, который сказал: «Нетерпимым, я думаю, является то, к чему не могут равнодушно отнестись народы этой страны, а именно, что британские войска использовывались для того, что привело теперь к международной ссоре в Греции. Войска его величества не могут быть использованы в качестве партизан ни в Греции, ни в какой-либо другой стране (не я изобрёл термины — на одной или другой стороне и левые и правые, и я никогда не применял их в этой палате), а ведь это третий раз, когда мы могли подавить не только простых повстанцев в Греции, но и людей с плохими намерениями. Это совершенно верно. Но мы фактически подошли очень близко к тому, что называют правыми, против того, что называли левыми».

Так говорят английские политические деятели, насколько мне известно, довольно близкие к той партии, к которой принадлежит и сам г-н Бевин.

Я закончу эту часть своих объяснений оглашением заявления г-на Софианопулоса — бывшего министра иностранных дел Греции и бывшего главы греческой делегации в Генеральной ассамблее.

В конце июля 1945 года в «Ньюс кроникл» было опубликовано сообщение о выступлении г-на Софианопулоса. Вот что он сказал: «Невероятный террор, проводимый этими организациями (он говорил о правых организациях), стал угрозой не только безопасности демократическим гражданам, но также увеличил опасность внешних осложнений. Если можно допустить, что может быть найдено какое-либо оправдание страстям в том, что со стороны некоторых жертв декабрьских событий имеется стремление к отмщению, то никакого оправдания не может быть для ответственного правительства, которое не только не сумело успокоить эти страсти, но и предотвратить террор».

С тех пор прошло около полугода, и вот сегодня, 4 февраля, мы могли прочитать в «Ньюс кроникл» статью о том, почему г-н Софианопулос покинул организацию Объединённых наций и вернулся в Афины. В этой статье я хотел бы обратить внимание Совета безопасности на следующие три положения, выдвинутые в самом

конце этой статьи. Вот что говорится в конце этой статьи собственными словами г-на Софианопулоса. Я цитирую: «Теперь я пользуюсь возможностью заметить, что, как я сказал британским должностным лицам, мы не можем говорить о возможности свободных и подлинных выборов, пока не будет предоставлена широкая амнистия. Она не была предоставлена законом, изданным правительством в целях разгрузки тюрем. Во-вторых, терроризм, проводимый ответственными организациями и государственными органами, должен быть прекращён. Этот терроризм отчётливо проявился в недавних событиях в Каламате. В-третьих, государственная машина должна быть очищена от всех фашистских и реакционных элементов, которые остаются на своих местах, остаются на своих постах, несмотря на то, что они являются остатками как диктатуры, так и вражеской оккупации».

Теперь я спрошу г-на Бевина: Вот все эти заявления, которые я здесь цитировал, заявления английских политических деятелей, все эти голоса тревоги и законного беспокойства за всё то, что происходит сейчас в Греции и что чревато такими тяжёлыми и опасными последствиями не только для греческого народа, но и для всего дела мира и безопасности, что же г-н Бевин скажет, что это тоже пропаганда Москвы, что это, может быть, тоже московские контратаки?

Заканчивая свою речь, г-н Бевин сказал, что он обращается к Совету безопасности с просьбой вынести прямой приговор: «Угрожали ли миру,— сказал он,— во всём мире я и моё правительство? Я прошу прямого ответа на этот вопрос».

Советская делегация уже ответила на этот вопрос, и ответ её вполне ясный и определённый. Советская делегация заявила, что присутствие британских войск в Греции превратилось в средство давления на внутривнутриполитическое положение в стране, которое нередко используют реакционные элементы против демократических сил страны. В доказательство правильности этого суждения нами было приведено немало фактов, причём большинство, подавляющее большинство этих фактов, было почерпнуто из английских источников.

Советская делегация заявила, что такое положение, означающее вмешательство во внутренние дела Греции при помощи вооружённых сил иностранной державы, создаёт такую ситуацию, чреватую тяжёлыми последствиями для греческого народа и для поддержания мира и безопасности, мимо которой нельзя пройти.

Г-н Бевин требовал сказать, чем именно создаётся со стороны британского правительства угроза миру и безопасности.

И мы тоже ответили на этот вопрос. Банды хитосов, банды других авантюристических элементов разжигают в Греции не только гражданскую войну, но и провокационно действуют на границе со своими соседями. Так было при Вулгарисе, когда была опубликована в афинской газете «Эмброс» статья, интервью Вулгариса и заявление греческого министра печати и пропаганды тогдашнего правительства Закинфиноса в июле 1945 года, где высказывались прямые угрозы по адресу соседних с Грецией стран. Я уже не говорю о ряде

случаев, когда группы греческих солдат переходили албанскую границу в ряде пунктов, нападали на албанское население, грабили, избивали и уводили с собой албанцев.

Греческое правительство бессильно контролировать эти авантюристические элементы и группы, которые фактически держат в своих руках политическую власть. Провокационные выступления хитосовских банд, которых до сих пор не в состоянии были призвать к порядку и находящиеся в Греции британские войска, создают то чрезвычайно напряжённое положение, которое чревато тяжёлыми последствиями для поддержания мира и безопасности. И об этом именно считает своим долгом заявить Совету безопасности советская делегация от имени советского правительства.

Г-н Бевин приводил в своём заявлении цифры о количестве югославских и болгарских войск, пытаясь доказать, что соотношение вооружённых сил между Грецией, с одной стороны, и Болгарией и Югославией, с другой, — не может создать никакой опасности нападения со стороны Греции. Эти цифры преувеличены. Но дело вовсе не в том — большая или маленькая армия у Греции. Опасность военных столкновений ведь не всегда определяется количественным соотношением вооружённых сил. Эта опасность вызывается нередко таким стечением обстоятельств, которое создаётся, когда из-под контроля разумно действующих сил выходят различные авантюристические элементы. Именно такое положение создалось в Греции, а присутствие британских сил в Греции, при сложившихся обстоятельствах, питает опасные иллюзии, которые широко используются в Греции реакционными, шовинистическими, милитаристскими и иными авантюристическими элементами.

Я должен напомнить уже цитированное мною замечание г-на Кокса, который, говоря о безответственных действиях правых в Греции, указывает, что они так действуют потому, что думают, что они могут пользоваться поддержкой Англии во всём, что бы они ни сделали. Это очень опасное положение.

Мы утверждаем, что при таком положении пребывание британских войск в Греции используется против демократических сил страны, что оно содействует параличу этих сил, к сожалению, даёт простор действиям не демократических, а реакционных сил. Это печально, и говорить об этом нам не доставляет ничего приятного. Но мы должны это сказать, ибо, как говорит латинская пословица, «Платон друг мне, но истина дороже».

В Греции достаточно новых и молодых сил, способных найти выход из создавшегося там тяжёлого положения без посторонней помощи, без помощи иностранных войск.

Советская делегация поэтому настаивает на своём предложении о немедленном выводе из Греции британских вооружённых сил.

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О ПОЛОЖЕНИИ
В ИНДОНЕЗИИ

(10 февраля)

«Украинская делегация внесла на рассмотрение Совета безопасности своё заявление, в котором ставит вопрос о положении в Индонезии и предлагает Совету безопасности рассмотреть этот вопрос и принять необходимые меры для изменения этого положения и устранения имеющихся в Индонезии ненормальностей.

Советская делегация поддерживает это заявление, считает его правильным и считает правильным то предложение, которое украинская делегация внесла о посылке в Индонезию особой комиссии.

Я хотел бы здесь кратко изложить точку зрения советской делегации по этому вопросу, по возможности, не повторяться и даже ставлю своей задачей и обязательным условием своего заявления — избежать всякого повторения. Но всё же в некоторых случаях мне придётся его сделать, и я заранее прошу меня извинить.

Какие вопросы поставила украинская делегация? Первый вопрос, поставленный украинской делегацией, сводится к тому, что британские войска в Индонезии, прибывшие туда с общего согласия союзников для того, чтобы осуществить разоружение японских вооружённых сил и принять капитуляцию японских войск, в соответствии с так называемым общим приказом № 1 генерала Макартура, — применяют оружие против национально-освободительного движения индонезийского народа. Эти факты опровергаются британской и голландской делегациями, — я на этом останавлиюсь далее особо. Но я должен сказать, что одно голое отрицание фактов, приведённых украинской делегацией, ещё ничего не доказывает. Факты использования британских войск в Индонезии против индонезийского национально-освободительного движения, какими бы ярлыками это население ни опорочивалось, какие бы ярлыки этому движению ни приклеивались, эти факты являются совершенно недопустимыми. Это находится в противоречии с принципами национального самоопределения, одобренными Объединёнными нациями, как это выражено в уставе организации Объединённых наций.

Председатель украинской делегации доктор Мануильский привёл ряд фактов, которые подтверждают выставленное им положение. Эти факты сообщались в печати, в том числе в английской и американской и в печати других стран. Об этих фактах шли дебаты, в том числе в различных законодательных палатах разных стран, а также в английском парламенте. Эти факты известны всему миру, и если говорить серьёзно, по-настоящему серьёзно, а об этих фактах нельзя говорить иначе, то нельзя согласиться с теми доводами, которые здесь приводились в опровержение заявления украинской делегации. В самом деле, к чему сводились эти возражения? Они сводились, употребляя военный термин «атаки», к контратакам лёгким оружием против атак тяжёлого оружия украинской делегации. Но известно,

что тяжёлые атаки нельзя отбить лёгким оружием, хотя бы это и представляло собой забавное зрелище.

Сначала господин Бевин заявил, что он не знает, какой от него ожидается ответ, хотя нетрудно догадаться, какой ответ ожидается на заявление украинской делегации. Сам Бевин заявил, что все факты, которые были приведены председателем украинской делегации,— это просто набор вырезок из английских и американских газет, и иронически поздравил Мануильского с блестящим подбором этих вырезок. Бевин далее сказал, что эти факты были опубликованы в газетах и, мол, поэтому они не являются фактами. Довольно интересная логика. Я должен решительно возражать против такой логики. И мне кажется, что здесь слишком сильно злоупотребляют высмеиванием печати и что нельзя заявлять, что печать служит забавой и для того, чтобы дезинформировать. Если бы печать служила этим целям, то она потеряла бы своё общественное значение, которое печать, как школа воспитания, несомненно, должна играть, если она, конечно, опирается на принципы демократии. Но это в скобках.

Наконец, Бевин просто заявил, что факты, приведённые украинской делегацией об использовании английских войск против индонезийского населения,— ложь и что вообще факты, приведённые Мануильским, неправильны и направлены против самого Мануильского. Бевин утверждал, кроме того, что сообщения печати, выступления членов парламента и других авторитетных лиц доказывают, что в Англии имеется свобода печати и каждый может говорить, что ему хочется. Но тот факт, что в Англии имеется свобода печати, говорит за то, что она существует для того, чтобы уважали эту печать, чтобы относились к ней более серьёзно и с большим достоинством.

Оспаривают факты, которые были приведены украинской делегацией, главным образом потому, что эти факты почерпнуты из сообщений печати. Но как же поступать иначе? Откуда, из какого источника можно почерпнуть те или другие факты о событиях на той или иной части земного шара, когда нет иных возможностей узнать о том, что там происходит, иначе как из сообщений печати?

В самом деле, британская и голландская делегации находятся в Индонезии в лучшем положении, я бы сказал, находятся в привилегированном положении. Они, конечно, имеют возможность пользоваться другими источниками информации. У них в Индонезии имеются свои вооружённые силы, у них в Индонезии имеется своя агентура, у них в Индонезии имеются свои информаторы, они получают донесения, сообщения, рапорты, доклады и меморандумы, они получают, вероятно, целые библиотеки, где в книгах и документах описывается то, что там происходит. Но как это может быть известно другим членам организации Объединённых наций, если остальные члены организации Объединённых наций, от имени которых действуют в Индонезии британские войска, о том конфликте, который там происходит, не имеют никакой возможности быть информированными иначе, как только из сообщений печати. Вот почему я позволяю себе сказать, что упреки в том, что украинская делегация использовала сообщения печати, необъективны и несправедливы.

Есть средства для того, чтобы пользоваться не сообщениями

печати, а, так сказать, получать сведения из первых рук. Это — послать туда комиссию, которая посмотрит, что там делается, которая опросит людей, которых нужно опросить, которая своими собственными руками пощупает, что там делается, которая своими собственными глазами увидит, что там происходит, своими собственными ушами услышит, что там делается в действительности.

Но получается заколдованный круг — факты, которыми вы пользуетесь из сообщений печати, недостоверны, но, говорят, послать туда комиссию, которая могла бы проверить эти факты, — это предложение неприемлемое. Что остаётся? Остаётся только одно — это признание безапелляционного характера тех заявлений, которые противопоставляются заявлениям украинской делегации, т. е. иначе говоря, пытаются создать в Совете безопасности положение неравноправия, невозможности пользоваться равным и одинаковым оружием в борьбе за своё предложение, на чём справедливо настаивает украинская делегация. Я поэтому говорю, что такой метод опровержения фактов, который здесь применяется, недостойн того, чтобы его признать объективным и достаточно авторитетным. Наоборот, то предложение, которое было внесено украинской делегацией, конечно, пользовавшейся только теми фактами, которые были ей доступны, как и нам всем, не имевшим никакой возможности пользоваться теми источниками, которые нам недоступны, потому что Британия и Голландия пользуются в этом случае привилегированным положением, — предложение послать туда комиссию, которая непосредственно ознакомилась бы с той действительной обстановкой, которая там существует, это объективное справедливое предложение, которое не может быть отклонено, если заранее не исключить объективные способы проверки того, что происходит в Индонезии.

Такова дилемма, такова альтернатива, и третьего решения здесь не даётся. «Терциум нон датур» — третьего не существует.

По поводу предложения украинской делегации о назначении комиссии для получения необходимой информации на месте ван Клеффенс сказал, что если украинская делегация желает получить информацию, то голландская делегация охотно эту информацию представит дипломатическими каналами или каким-либо иным способом. Но мы хорошо знаем, что означает в действительности информация, получаемая по так называемым дипломатическим каналам. Это, во всяком случае, не исключает необходимости пользоваться и другими средствами, дающими больше оснований для критического отношения к представляемым фактам.

Вместо того, чтобы убедиться своими глазами и получить сведения из первоисточника или, как я сказал, из первых рук, здесь предлагается опять-таки ограничиться и удовлетвориться получением сведений из вторых источников. Но это совершенно нелогичное предложение. Я должен сослаться, пользуясь особенно тем, что я нахожусь в Великобритании, в стране, которая дала не одно замечательное правило установления тех или других фактов в области так называемого судебного доказательственного права, я сошлюсь хотя бы на такие знаменитые авторитеты, как Бентам или Уиллс, которые учат о том, что всегда, когда нужно удостоверить факты, нужно пользо-

ваться первоисточником, ибо это «бест эвиденс», т. е. лучшее доказательство, и нужно пользоваться всегда лучшим доказательством, а не худшим доказательством. Известно, что копия всегда хуже оригинала. Известно, что доказательства из вторых или третьих рук всегда хуже доказательств, которые получаются из первых рук. Поэтому вполне понятно, что украинская делегация настаивает на своём предложении — послать комиссию, чтобы иметь сведения из первоисточника. Я думаю, вполне понятно, что советская делегация поддерживает это предложение, и надеюсь, что некоторые другие делегации тоже поддерживают это предложение. Если получать доказательства, то получать всегда бест эвиденс — лучшие доказательства. Такими доказательствами являются, по утверждению всех авторитетов, всех тех, кто действительно стоял на объективной позиции, на объективной основе, доказательства из первых рук. Мы предпочитаем пользоваться доказательствами, полученными из первых рук.

И в самом деле, предложение, которое внёс ван Клеффенс, означает очевидное желание не допустить в Индонезию комиссию. Вот опасность, которой так страшится ван Клеффенс, — комиссия! Но как может быть понято такое упорное стремление не допустить в Индонезию комиссию? Нет сомнения, что это будет понято, и не может быть иначе понято, как желание не пропустить в Индонезию луч света и оставить всё в том мраке неизвестности, в котором в значительной степени находятся сейчас индонезийские дела. Мы против этого, и мы против секретности в индонезийских и других делах такого рода. Мы за то, чтобы всё было ясно, мы за то, чтобы всё было открыто, мы за то, чтобы, как часто говорит Бевин, положить все документы на стол. Будет поэтому лучше, если за это дело возьмётся беспристрастная и авторитетная комиссия.

Однако непосредственно об Индонезии. Я считаю, и советская делегация это также считает, выражая мнение советского правительства, что эти факты, которые были приведены украинской делегацией, остались непоколебленными, остались неопровергнутыми.

В самом деле, ведь это же факт, что в Индонезии происходят военные действия. Ведь это же факт, что в Индонезии происходит то, что «Таймс» (я извиняюсь перед Бевином за то, что прибегаю к ссылкам на английскую печать) назвала «почти войной», или то, что в парламентском заявлении от 11 декабря член парламента господин Плэтс-Миллс сказал по этому поводу: «Я спрашиваю, делается ли ссылка на то, что существует некое соглашение, до сих пор содержащееся в секрете, которое требует, чтобы мы там находились и вмешивались по поручению Голландии в то, что называется кровавой войной. Это не тот случай, когда международный мир поставлен под угрозу. Мир нарушен, — сказал почтенный член парламента, — он уже уничтожен, идёт война».

В прошлый раз Бевин заявил в своей речи, что в обширной литературе, которую он прочитал, указывалось, что англичане находятся в Индонезии для всякого рода зловредных целей, как империалистическая держава. Бевин добавил, что его заставляет немного нервничать то обстоятельство, что, когда он просмотрел с Молотовым в Москве всё это дело строчка за строчкой, ему не было сказано.

ни слова о том, что делать. А теперь этот вопрос вновь появился на сцене. Я должен сказать, что Бевин здесь допустил неточность. В Москве Молотов и Бевин не просматривали дело Индонезии, как выразился Бевин, строчка за строчкой. Я присутствовал и участвовал во всех переговорах между Бевином и Молотовым в этот период времени и могу сказать, что в этот период обсуждения индонезийского вопроса, который можно было бы охарактеризовать, как просмотр «строчка за строчкой», — этого не было. Я должен сказать, что после того, как Бевин объяснил позицию английского правительства в этом вопросе, а народный комиссар иностранных дел СССР Молотов, не касаясь подробностей, о которых говорил Бевин, сказал, что советская делегация вынуждена поставить вопрос об Индонезии, он также сказал, что это потому, что события в Индонезии нам напоминают новую войну, тогда как война уже закончена. Эти события в Индонезии напоминают новую войну.

Народный комиссар иностранных дел Молотов сказал, таким образом, что события в Индонезии напоминают новую войну. И действительно, эта война идёт, уже насчитываются тысячи убитых в Бандунге, Сурабае, Семаханге, это сообщалось совсем недавно — 15 января — из Сайгона; отмечены ожесточённые столкновения между англо-индийскими войсками и отрядами индонезийцев. И при этих-то условиях ван Клеффенс решает выразить сожаление не по поводу тысяч убитых, а по поводу того, что английские войска проявляют исключительную терпеливость, что надо понимать очевидно так — убитых ещё недостаточно для того, чтобы ван Клеффенс признал, что в Индонезии идут военные действия.

Нельзя не обратить внимание на такой факт, как сообщение из Гааги, что весь контингент голландских войск призыва 1945 года, все вновь сформированные из призывников пехотные, танковые и артиллерийские полки должны быть обучены к маю месяцу этого года и отправлены в Индонезию. Этот факт обращает на себя внимание потому, что, очевидно, по мнению голландского правительства, обстоятельства дальше будут развиваться так, что понадобятся войска для наведения там порядка или, как обычно говорится, для восстановления порядка. В Индонезию предполагается, таким образом, направить более крупные, чем там имеются сейчас, вооружённые силы для того, чтобы, как говорит ван Клеффенс, эти войска там не отдыхали, а действовали. Готовятся, очевидно, более крупные военные операции в Индонезии против индонезийцев, а это в свою очередь чревато опасными последствиями, угрожающими миру и безопасности. Нельзя согласиться с тем, что посылка в Индонезию вооружённых сил не направлена против индонезийского народа, против национально-освободительного движения, а против каких-то «экстремистов» и против «террористов» и что всё это осуществляется в целях обеспечения порядка. Я должен согласиться с господином Ноэль-Бэйкером, который, говоря о фразе «восстановление порядка», сказал, что эта фраза действительно имеет зловещий отблеск, особенно в колониальной истории. Это действительно так. Это пресловутое «восстановление порядка» всегда означало и не может не означать этого и сейчас, что методы подавления такого нарушения порядка

остаются теми же и сводятся к подавлению самыми жестокими, бесчеловечными методами того движения в колониальных и полуколониальных странах, которое представляет собой движение прогрессивных элементов страны, борющихся за свою национальную независимость, ищущих разрешения проблемы своего национального самоопределения.

Делаются попытки изобразить, что всё то, что происходит в Индонезии, это какие-то вылазки «экстремистов» и «террористов», вылазки кучки людей, против которых и направляются все усилия для восстановления порядка, направляются вооружённые силы Великобритании и Голландии. Сам ван Клеффенс говорил, что здесь дело идёт не о кучке каких-то «банд», а о целой армии. Он сказал, что эти так называемые экстремисты составляют почти что 80-тысячную армию, что они вооружены новейшим оружием, в том числе зенитными пушками. Это уже не кучка террористов и экстремистов, не банды, а организованная армия индонезийского народа. Так надо и сказать, что идёт война против индонезийского народа. Мы так и говорим. Такие события опасны и чреваты опасностями для будущего. Это может быть искрой, которая разгорится в будущем в пламя войны. И мы считаем нужным заявить об этом громко и ясно сказать, что события, происходящие сейчас в Индонезии, содержат в себе угрозу миру и безопасности и что дело международной организации предупредить эту опасность и покончить с той трагедией, которая разыгрывается сейчас в Индонезии и уносит человеческие жизни. Нужно покончить с этими военными действиями, происходящими в не так уж маленькой с 70-миллионным населением стране. Вот почему я настаиваю, что, во-первых, положение в Индонезии именно такое, как это предусмотрено в уставе, и здесь нельзя обойтись без вмешательства нашей организации. Мы берём минимальные средства для такого вмешательства нашей организации. Мы берём минимальные средства для такого вмешательства. Мы хотим знать, что же там происходит. Мы настаиваем, чтобы была послана комиссия, которая должна беспристрастно изучить положение и наметить меры, которые необходимо принять.

За что идёт борьба в Индонезии? Во имя чего там происходят кровавые стычки? Я имел возможность на днях получить журнал, который издаётся Индонезийской национальной ассоциацией в Голландии, «Голос свободной Индонезии». Там напечатана статья, которая, как мне кажется, должна представлять интерес для Совета безопасности в связи с обсуждаемым здесь вопросом.

Статья под заголовком «Добрая воля по отношению к союзникам». В этой статье говорится, что добрая воля индонезийцев, 99,9 процента которых поддерживает Индонезийскую республику, направлена именно на доброе отношение к союзникам. Это, говорится в статье, «не просто пустые или обманчивые фразы о том, что 70 миллионов индонезийцев, — за исключением одного-двух искателей счастья, т. е. авантюристов, — едины в своём желании жить, как независимый народ в независимой стране. Тот, у кого нет предубеждений против индонезийцев, может легко найти доказательства того, что правые и левые едины в своих устремлениях».

Я думаю, что это одно достаточно проливает света на те цели, которые преследует индонезийское национально-освободительное движение и которое нельзя связывать с несколькими авантюристами. Я подчёркиваю — с несколькими, ибо 99,9 процента всего индонезийского народа стоит за свободу, за национальную независимость, за свою республику и за право самоопределения и ожидает и просит поддержки со стороны организации Объединённых наций в соответствии с принципом, который провозглашает устав организации Объединённых наций.

Нам говорят, что это не дело организации Объединённых наций и что устав вовсе не предполагает возможности вмешательства в такого рода дела. Я с этим не могу согласиться. В главе I устава организации Объединённых наций, посвящённой целям и принципам этой организации, а именно в статье 2 говорится совершенно точно и определённо, что в качестве одной из задач организации является «развитие дружественных отношений между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народа, а также о других соответствующих мерах для укрепления всеобщего мира».

В статье 4 главы I, говорящей о целях и принципах организации Объединённых наций, указывается на то, что целью и задачей этой организации является быть центром для согласованных действий наций в достижении общих целей. Сама организация Объединённых наций призвана быть центром, который объединяет усилия всех наций демократических и свободных стран для согласования этих действий и для разрешения тех задач, которые указаны в главе I. Нас отсылают к статье 2 § 7 устава, доказывая, что эти события в Индонезии есть внутреннее дело и что в эти дела организация не имеет права вмешиваться, так как иначе, как говорит господин Бевин, будет нарушен принцип суверенитета Голландии. Но эти возражения лишены всякого основания. Статья 2 § 7 говорит о делах, которые по существу входят во внутреннюю компетенцию государства. Но есть такие дела, которые формально и входят во внутреннюю компетенцию данного государства, но стоят на грани внешнеполитических отношений или даже прямо затрагивают внешнеполитические отношения, угрожая миру и безопасности народов. Такие дела не могут быть предоставлены для разрешения самому государству, несмотря на принцип суверенности. Такие дела должны быть отнесены к компетенции Совета безопасности. Не есть ли этот устав известным ограничением суверенности суверенных государств? Я отвечаю — да. Если встать на позицию Бевина и ван Клеффенса, то почему же не будет вмешательством во внутренние дела Греции посылка туда комиссии для контроля за осуществлением выборов? Почему это не есть нарушение суверенитета Греции — союзного государства? Если можно послать в Грецию комиссию для контроля за выборами, как это сделали Великобритания и США, то почему нельзя послать комиссию в Индонезию? Почему комиссия в лице Молотова, Керра и Гарримана по польским делам не была вмешательством, не была нарушением суверенитета Польской республики? Почему посылка Керра в Индонезию не есть вмешательство Вели-

кобритании во внутренние дела Голландии? Почему Бевин, министерство иностранных дел и британское правительство считают возможным послать в Индонезию Керра для того, чтобы вместе с индонезийцами и голландцами урегулировать индонезийские дела, как об этом здесь заявил Бевин. Мы не можем следовать по такому пути. Это — нарушение равноправия государств — членов организации Объединённых наций. Если в Индонезию мог поехать Керр, то почему же не может поехать представитель Советского Союза, Америки, Китая или какого-нибудь другого государства по выбору Совета безопасности? Откуда такое неравенство? Разве может существовать единство организации, когда одни государства будут пользоваться привилегиями по сравнению с другими государствами, которые не будут иметь даже прав? Это — порочная основа, и если защищать эту основу, это означает подрывать самый фундамент организации Объединённых наций. Мы против такого неравенства в самой организации Объединённых наций.

Ван Клеффенс сказал, что когда речь шла о посылке в Индонезию голландских войск, то не было тоннажа, чтобы перевезти британские и голландские войска, и потому, что было нецелесообразно посылать «полугоloedных голландцев вместо обученных английских войск». Не потому ли послали в Индонезию английский дипломата, что не было подходящего голландского дипломата, как в случае с посылкой войск?

Греция не сумела осуществить свой суверенитет, и Великобритания и США послали туда комиссию. Румыния не смогла решить все свои вопросы, и послали туда комиссию в составе Керра, Гарримана и Вышинского, и комиссия, кажется, неплохо справилась со своей задачей. И, наконец, разве ван Клеффенс, представитель Голландии, не сказал здесь, что он не возражает против посылки в Индонезию комиссии, если на это согласны Великобритания и СССР. Советский Союз согласен. Голландия согласна. Англия не согласна, и дело срывается. Где же равноправие и где суверенитет Голландии, которая поддерживает комиссию? Это — искусственная аргументация, когда говорят, что посылка комиссии будет нарушать государственный суверенитет. Это — притягивание такого аргумента за волосы.

Говорят, что в предложениях украинской делегации, которая, с одной стороны, считает нужным покончить с существующим положением в Индонезии, а, с другой стороны, не ставит вопроса о выводе из Индонезии британских войск, что и между этими положениями имеется противоречие. Я думаю, что тут нет никакого противоречия, потому что британские вооружённые силы в Индонезии находятся с общего согласия союзников, чтобы разоружить японцев и принять японскую капитуляцию. Украинская делегация поэтому вопроса о выводе британских войск из Индонезии не ставит. Но, с другой стороны, британские войска используются против национально-освободительного движения, что, правда, отрицается Бевин, но факты говорят против него. Именно такая ситуация создаёт опасность для мира и безопасности. Здесь надо проводить разницу между присутствием британских войск и теми событиями,

которые разыгрываются в Индонезии и которые создают угрозу миру и безопасности.

И последний вопрос, и на этом я закончу, об использовании японских войск против индонезийцев. Каково фактическое положение с этим вопросом? Я думаю, что в результате тех заявлений, которые были здесь сделаны, в результате тех сообщений, которые были заслушаны, можно сказать, что факт использования японских вооружённых сил против индонезийского народа установлен. Правда, Бевин этого не сказал, но сказал ван Клеффенс и сказал в палате общин Ноэль-Бейкер, признавая, что японские войска были использованы против индонезийского народа, но что это, мол, вызвано было «оборонительными целями». Следовательно, можно считать установленным, что японские войска использовались против индонезийского населения, но этому факту хотят придать благоприятное объяснение, и я считаю нужным напомнить, что приказ № 1 генерала Макартура был издан с согласия союзников, в том числе Советского Союза. Но в этом приказе не предусматривалось возможности использования японских сил для такого рода целей. Японские войска по этому приказу должны были безоговорочно капитулировать, должны были быть разоружены. Не могло быть и речи, чтобы у них было оставлено оружие и чтобы использовать это оружие против индонезийского населения. Это — прямое нарушение соглашения, на основе которого был издан приказ Макартура. Это — потворство нарушению акта о капитуляции, который был подписан Японией по требованию союзников, кровью своих войск скрепивших союз и взятые ими на себя обязательства в отношении территории, которая была оккупирована японскими войсками. Советское правительство не давало и не может дать согласия на использование японских войск против национально-демократического движения в Индонезии. Советская делегация считает, что использование японских вооружённых сил против национального движения в Индонезии, а фактически это и было так, подрывает авторитет организации Объединённых наций и является недопустимым. Я кончаю. Принимая во внимание, что все доводы, изложенные украинской делегацией, не опровергнуты ни британской делегацией, ни голландской делегацией, а часть из которых была обойдена молчанием или открыто подтверждена, как, например, факт использования японских войск против индонезийского населения, советская делегация считает необходимым послать в Индонезию авторитетную международную комиссию.

Предложение украинской делегации о посылке авторитетной комиссии, которая бы состояла из представителей Великобритании, США, Китая, Голландии, Советского Союза и которая могла бы беспристрастно и объективно выяснить обстановку и внести успокоение в наше взволнованное общественное мнение, является совершенно необходимым. Это содействовало бы укреплению взаимопонимания. Это не нарушит чьего бы то ни было авторитета. Это послужит лишь укреплению того единства организации и тех принципов, которые лежат в основе организации Объединённых наций».

(ТАСС)

**ВЫСТУПЛЕНИЯ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ОБРАЩЕНИЯ ДЕЛЕГАЦИЙ СИРИИ
И ЛИВАНА ПО ПОВОДУ ТОГО, ЧТО ПРИСУТСТВИЕ
АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК
НА ТЕРРИТОРИИ ЭТИХ СТРАН ПРЕДСТАВЛЯЕТ СОБОЙ
УГРОЗУ МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ**

(14 февраля)

«Для того, чтобы разрешить данный вопрос, мне кажется, нужно отойти от отвлечённых и абстрактных положений и решать вопрос в зависимости от того материала, который уже имеется в руках Совета безопасности и который должен быть рассмотрен Советом безопасности.

Поставлен вопрос о том, что представляет спор или ситуацию. Я думаю, что для того, чтобы решить этот вопрос, нужно обратиться к существу дела, как рисуется это дело по самому представлению тех стран на основании тех материалов, которые имеются в нашем распоряжении. В этом случае нужно обратиться к заявлению от 4 февраля, сделанному ливанской и сирийской делегациями. В этом заявлении, во-первых, констатируется, что пребывание в Ливане и Сирии британских и французских войск является нарушением суверенитета этих государств; во-вторых, что такое пребывание в прошлом показало, что это является угрозой миру и безопасности и отсюда делается вывод — просьба вывести эти войска. Вот три положения, которые выражены в заявлении сирийской и ливанской делегаций. Представляют ли они требование, иск, спор, или они не являются требованием и иском и, значит, не являются спором? Вопрос очень простой. Если бы, скажем, был спор не между государствами, а между отдельными гражданами, то дело представлялось бы в таком виде: какое-то лицо находится в чужом доме. Хозяин этого дома просит его выехать. Это лицо отказывается выехать. Хозяин предъявляет иск в суд о выселении его из своего дома. Спрашивается, спор это или нет? Для юристов здесь нет никакого сомнения, что это — спор, что это — исковое дело. Совет безопасности должен решить вопрос о том, спор это или ситуация по тем материалам, которые имеются в его распоряжении. Сейчас имеются заявления, в которых содержатся известные нам те или иные требования. Я согласен с г-ном ван Клеффенсом, что это — дело совета. Совет может решить данный вопрос в зависимости от тех материалов, которые имеются в его руках. Я согласен с господином Бевином, что в данном случае имеется спор, и поддерживаю предложение представителя Египта господина Риада, который настаивает на том, чтобы этот вопрос был решён теперь же. Если последующее рассмотрение внесёт в это дело какие-либо изменения и окажется, что спора нет, то в соответствии с этим совет и должен будет принять решение. Возможно, что одна

сторона примет требования другой стороны. Тогда спор прекратится. В противном случае спор останется и должен быть разрешён советом. Вопрос о том, спор это или ситуация, лучше решить теперь же, так как это гарантирует большую объективность и беспристрастие».

Выступивший затем делегат Египта Риад заявил: «Я предлагаю одно из двух: если все согласятся, что здесь имеет место спор, то мы отложим на будущее решение общего вопроса о том, как определять, идёт ли речь о споре или о ситуации; если единогласия по этому вопросу не будет, то я предлагаю присоединить к моему первоначальному предложению слова: «без того, чтобы это отразилось на каком-либо окончательном решении». Наконец, я хотел бы отблагодарить Вышинского за его заявление и задать ему следующий вопрос: согласен ли он с тем, что вопрос о том, идёт ли речь о «ситуации» или «споре», представляет собой вопрос процедуры?»

Тов. Вышинский в ответ заявил:

«Я хотел бы ответить на вопрос г-на Риада. Г-н Риад предлагает вопрос о том, является ли случай, поставленный на обсуждение Совета безопасности, спором или ситуацией, таким вопросом, который должен быть решён в порядке процедурного голосования. Я считаю, что вопрос о том, является ли данный случай спором или ситуацией, является вопросом существа, а не процедуры. Процедура — это порядок решения вопроса, метод решения, а вопрос о том, что же по самому своему существу представляет данный вопрос, есть ли это ситуация или есть ли это диспут, — это не порядок решения, это не метод решения вопроса, а это как раз относится к оценке данного вопроса по самому его существу. Поэтому такой вопрос должен быть решён не на основании пункта 2 статьи 27, который говорит о процедурных вопросах, а на основании пункта 3 статьи 27, который говорит о решении вопросов непроцедурного порядка. Если, наконец, возникнет вопрос о том, является ли это процедурным вопросом или нет, то в таком случае нужно будет применить правило, установленное 7 июля 1945 года в Сан-Франциско по докладу комитета № 3, где говорится, что решение по таким вопросам должно быть принято голосами 7 членов Совета безопасности, т. е. опять-таки по пункту 3 статьи 27. Поэтому я полагаю, что предложение г-на Риада в этой части не может быть поддержано».

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ОБРАЩЕНИЯ СИРИИ И ЛИВАНА
ОБ ОТВОДЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК
С ТЕРРИТОРИИ СИРИИ И ЛИВАНА

(15 февраля)

«После того, что Совет безопасности уже обсуждал в течение предыдущих заседаний в связи с вопросами о Греции и Индонезии, можно было бы рассчитывать на то, что разрешение такого вопроса, какой возник в связи с заявлением сирийского и ливанского правительств, не должно было вызвать никаких затруднений.

Между тем мы вот уже целый день рассматриваем эти заявления, и создаётся такое впечатление, что в Совете безопасности делаются попытки найти такое решение вопроса, которое в действительности уводило бы нас от настоящей задачи, что стараются найти такое решение вопроса, которое противоречит или, несомненно, направляется к тому, чтобы вступить в противоречие с теми принципиальными соображениями, о которых говорилось в Совете безопасности при рассмотрении аналогичных вопросов. Вот почему мне кажется необходимым вновь вернуться к такой принципиальной постановке вопроса. Я это и хочу сейчас сделать. Мы здесь заслушали объяснения представителя французского правительства — главы французской делегации г-на Бидо и объяснения сэра Кадогана, который излагал точку зрения на этот вопрос британского правительства. Я хочу остановиться раньше всего на том, что здесь говорил Бидо.

Я должен напомнить об одном документе, который был вручён генералом Бейне, представителем Франции, правительствам Сирии и Ливана 18 мая 1945 года. В этом документе французское правительство заявляло, что оно поддерживает всячески независимость Сирии и Ливана, и в то же самое время указывало на то, что у Франции в Сирии и Ливане имеются свои интересы, которые требуют со стороны французского правительства особых мероприятий. И далее в этой записке излагается, какие это интересы.

Этот документ начинается такими словами: «Первым жестом властей свободной Франции, когда они вступили в Ливан в 1941 году, было провозглашение независимости Сирии и Ливана. Именно вследствие этого жеста эта независимость приобретена в настоящее время».

Французское правительство в этой памятной записке заявляет, что интересы Франции оно намерено защищать таким образом, чтобы никак не была затронута независимость Сирии и Ливана. В записке говорится: «Франция гордится тем, что предпринятая ею защита так счастливо завершена. Она желает, чтобы правительства Сирии и Ливана осуществляли полную свою власть без помех и препятствий какого бы то ни было рода».

Дело в этом случае шло о том, при каких условиях французское правительство может дать согласие на то, чтобы передать Сирии и Ливану так называемые специальные войска. И вот в этой записке генерала Бейне указывается на то, что это согласие французское правительство может дать только в том случае, когда будет достигнуто соглашение по трём линиям — культурной, экономической и стратегической. Таким образом, самый вопрос о передаче специальных войск в распоряжение сирийского и ливанского государств, что явилось бы одним из важных доказательств уважения суверенитета этих государств, ставится в зависимость от того, будут ли выполнены или нет требования, которые французское правительство считало для себя возможным предъявить этим двум государствам в культурном, экономическом и стратегическом отношениях. Мне кажется, что культурные интересы наиболее целесообразно, правильно и справедливо было бы защищать культурными средствами, было бы справедливо защищать при помощи влияния своей культуры, а не при помощи вооружённых сил.

Как видно, правительство де Голля в своё время держалось другой точки зрения. С этих пор во Франции произошли некоторые изменения. Но из выступлений Бидо не видно, чтобы точка зрения французского правительства претерпела изменения. То же самое надо сказать и относительно экономических интересов. Здоровые экономические интересы и отношения, построенные на правильном понимании этих интересов между суверенными государствами, должны развиваться на основе экономической заинтересованности соответствующих государств, а не на такой основе, как это излагается в записке от 18 мая 1945 года и которая говорит сама за себя.

Что касается, наконец, стратегических позиций или стратегических баз, позволяющих, как говорилось в записке генерала Бейне, гарантировать пути сообщения Франции с её заморскими владениями, то стратегический характер этого требования не требует особых объяснений. Все эти вопросы должны при нормальных условиях решаться во всяком случае не при помощи тех средств, какие предполагал применить в отношении Сирии и Ливана генерал Бейне в мае 1945 года.

Вполне понятно, что на такую памятную записку в связи с позицией, которая была в ней выражена, ливанское и сирийское правительства могли ответить только так, как они ответили. Ливанское правительство 19 мая 1945 года заявило, что оно не в состоянии вести переговоры под угрозой вооружённых сил, и добавило, что эта памятная записка, в том виде, как она есть, является по духу, предположениям и стремлениям, которые выявлены в ней, несовместимой с независимостью и суверенитетом Ливана. Аналогичное заявление сделало через несколько дней и сирийское правительство, которое реагировало на эту записку таким же образом. В сирийской ноте от 20 мая было сказано: «Ввиду этих фактов сирийское правительство, которое неоднократно представляло доказательства своего духа примирения и желания разрешить проблему, стоящую между Францией и Сирией, считает, что памятная записка — имеется в виду памятная записка от 18 мая 1945 года — вызывает по своему духу

и по формуле требования, несовместимые с сирийской независимостью, и таким образом сирийское правительство не может на этой основе вести переговоры с Францией».

Так обстояло дело с теми условиями, о которых говорило французское правительство в мае месяце 1945 года, условиями, которые сирийское и ливанское правительства не могли не квалифицировать как нарушение суверенитета Сирии и Ливана, не могли не квалифицировать так, как должны квалифицировать все те, кто имеет правильное представление о том, что такое суверенитет, и о том, что такое нарушение суверенитета.

И вот теперь, когда мы в Совете безопасности выслушали заявление представителя французского правительства Бидо, сказавшего, что французское правительство готово рассмотреть условия, при которых можно было бы найти выход из создавшегося положения, то, естественно, возник вопрос, о каких условиях говорит и думает Бидо?

Не те ли это условия, которые были предъявлены в записке 18 мая 1945 года, или это какие-то другие, и в этом случае — какие именно условия? Неужели Совет безопасности может удовлетвориться такого рода заявлением по очень серьезному и важному, я бы сказал, по очень опасному вопросу, который сейчас обсуждается в Совете безопасности? Французское правительство, как сказал Бидо, готово обсудить условия, которые могли бы разрешить данный вопрос, но он не сказал, что он имеет в виду. Какие это условия? То, что относится к маю 1945 года, говорит о таких условиях, которые сами по себе являются безусловным нарушением суверенитета и независимости Сирии и Ливана. Поэтому то объяснение, которое дал Бидо, советскую делегацию никак не может удовлетворить, ибо в этом объяснении опять-таки повторяется та же самая песня, которую Сирия и Ливан уже слушали в мае месяце 1945 года.

Я хочу напомнить ещё одно выступление де Голля в июне месяце в Консультативной ассамблее Франции, выступление, которое также связано с Сирией и Ливаном и связано в то же самое время с теми объяснениями, которые де Голль, возглавлявший в то время французское правительство, давал по поводу событий, которые, как справедливо говорится в записке ливанской и сирийской делегаций, причиняли постоянное беспокойство в этих государствах и свидетельствовали о том, что присутствие британских и французских войск после того, как миновала угроза нападения со стороны немецкого агрессора, являлось источником затруднения.

В этом своём выступлении де Голль говорил следующее: «Подавляющее несоответствие сил, монополия всей внешней торговли и транспорта, использование огромного аппарата информации и пропаганды, множество политических, экономических и культурных агентов, одетых в военную форму, — таковы были средства, которые позволяли англичанам оказывать на месте на нас и в то же время на сирийских и ливанских руководителей огромное и непрестанное давление».

Де Голль далее говорил следующее: «Старались заменить французские интересы британскими интересами в областях, где последние

невозможно было оспаривать, как, например, использование французской доли мосульской нефти, эксплуатация железной дороги в Триполи, эксплуатация железной дороги Хайфа — Триполи. Разумеется, время от времени в Лондоне делались принципиальные заявления, но фактически на месте всё делалось вопреки соглашениям, в частности соглашению от 23 июля 1941 года, словно преследовалась цель постепенного вытеснения Франции. Постоянное вмешательство иностранной державы, явно заинтересованной и располагающей подобными средствами, в наши отношения с правительствами Дамаска и Бейрута неизбежно ввергало в смятение последние.

Дальше: «Разумеется, если наличие нефти в некоторых районах Сирии и во всяком случае заинтересованность в контроле каждого из нефтепроводов, которые ведут к Средиземному морю, и заинтересованность в иракской нефти, включая принадлежавшую Франции долю, которая является единственной такого рода нашей собственностью во всём мире, могли оказать влияние на позицию Великобритании, то и другие соображения также оказывают влияние на руководителей Британской империи. Никто не может считать простым предлогом постоянно выражаемое ими беспокойство в отношении влияния событий в Сирии и Ливане на положение Англии в других арабских странах Востока».

Какие выводы делал из этого де Голль в своё время? (Небезынтересно было бы узнать, скажу кстати, какова точка зрения Бидо по этому вопросу?) Де Голль делает такой вывод: «Можно было бы сказать, что интересы наших двух наций и интересы арабских государств заключаются в необходимости для Франции и Англии занять общую позицию и вести общую политику, что мы и предлагали много раз».

После того, что я сказал здесь, мне кажется, что я имею право перейти к так называемому англо-французскому соглашению от 13 декабря 1945 года, которое как раз и выражает стремления и общую политику Англии и Франции по отношению к Сирии и Ливану. Я не буду касаться этого соглашения по существу. Но я хочу остановиться на вопросе, который, как мне представляется, тесно связан с основной проблемой, сейчас обсуждаемой Советом безопасности, а именно на вопросе — какое имеет значение это англо-французское соглашение для суверенитета Сирии и Ливана и может ли оно в какой-либо мере удовлетворить суверенные государства, которых этот документ касается.

Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно обратить внимание на следующие обстоятельства. Статья 2 пункт 1 устава организации Объединённых наций говорит, что наша организация основана на принципе суверенного равенства всех её членов, а Сирия и Ливан являются членами организации Объединённых наций. Этой статьёй провозглашается один из важных принципов устава, а именно принцип суверенного равенства государств, входящих в организацию Объединённых наций, поскольку говорится об этих государствах. Я должен обратить внимание, что пунктом 2 той же самой статьи возлагается на всех членов организации обязанность обеспечить всем членам организации Объединённых наций в совокупности права

и преимущества, вытекающие из принадлежности этих государств к организации Объединённых наций. Эти два пункта, 1 и 2 статьи 2, а также тот факт, что Сирия и Ливан являются членами организации Объединённых наций, должны служить достаточным основанием, чтобы понять, что англо-французское соглашение от 13 декабря 1945 года, заключённое без какого-либо их участия, даже без консультации с ними, без привлечения их для решения вопросов, которые их касаются, нельзя рассматривать иначе, как нарушающее суверенитет этих государств.

Мы здесь слышали заявление сэра Кадогана, который по поводу этого англо-французского соглашения сказал, что, разумеется, это соглашение не идеальное. Я думаю, что Кадоган очень либерален в данном случае. Это соглашение, с точки зрения элементарных принципов международного права, является просто незаконным, просто нелояльным по отношению к суверенитету Сирии и Ливана, и, конечно, ни о каком идеале здесь говорить невозможно.

Независимо от того, идеальное это соглашение или не идеальное, отнесёмся к нему, как к факту. Есть соглашение, называется оно англо-французское соглашение от 13 декабря 1945 года. Но что же даёт это соглашение с точки зрения законных требований сирийского и ливанского правительств относительно вывода из Сирии и Ливана иностранных войск? Что это соглашение даёт с этой точки зрения? Я хочу стоять на совершенно объективной позиции. Есть соглашение. Я представляю себе, что авторы этого соглашения действительно хотят вывести эти войска. Но что же об этом говорится в соглашении? И я на этот вопрос должен сказать — взявши самую сильную лупу и даже телескоп, вы ничего в этом соглашении не увидите, что обеспечило бы реализацию этих добрых намерений, если они действительно существуют, а я хочу верить, что они существуют, относительно вывода иностранных войск с территории Сирии и Ливана. Если вы возьмёте это соглашение, то увидите, что там одна алгебра, одни отвлечённые и не опирающиеся на реальность обещания, притом в такой форме, что они никого и ни к чему не обязывают. Это соглашение ни с какой точки зрения никого, кроме разве авторов этого соглашения, не может удовлетворить.

Особенно я должен обратить внимание на один абзац в этом соглашении, который касается организации Объединённых наций (ООН). Я не считаю необходимым подвергать разбору это соглашение с разных позиций. Я уже сказал, что оно с точки зрения советской делегации не отвечает тем требованиям, которые необходимы при наличии уважения суверенитета суверенного государства. Я хочу обратить внимание на ту часть соглашения, которая касается организации Объединённых наций, хочу обратить на это внимание, как представитель государства, являющегося членом организации Объединённых наций, престиж которой затрагивается этим соглашением. Я имею в виду именно следующий абзац этого соглашения. Разрешите мне его процитировать: «Программа эвакуации (а в этом соглашении речь идёт об эвакуации французских и английских войск из Сирии и Ливана) будет составлена таким образом, чтобы она обеспечивала содержание в Ливане достаточных сил, гарантирую-

щих безопасность до того времени, как решит ООН, пока не будет организована коллективная безопасность в этой зоне».

Я хотел бы спросить авторов соглашения, что означает это указание на то, что программа эвакуации будет составлена так, чтобы она обеспечивала содержание в Леванте достаточных сил, которые гарантируют безопасность в этой зоне. Что это означает, как не то, что заранее предвидится соглашением от 13 декабря 1945 года, что в Сирии и Ливане должны будут оставаться и после 13 декабря 1945 года иностранные войска и что они должны будут оставаться для того, чтобы «гарантировать безопасность в этой зоне»? Что это значит, как не то, что они будут оставаться там до той поры, когда организация Объединённых наций решит вопросы, связанные с коллективной безопасностью в этой зоне!

Я должен сказать, что мне, надеюсь, что и остальным членам совета, неизвестно, чтобы организация Объединённых наций предполагала принять какие-то особые решения по поводу коллективной безопасности в этой зоне. Откуда это взято? Почему в этом соглашении делается ссылка на организацию Объединённых наций, которая должна будет якобы принять какое-то решение относительно коллективной безопасности в этой зоне? Вообще, причём тут организация Объединённых наций, никакого отношения не имеющая в действительности к тому, что происходило в то время и сейчас происходит в Сирии и Ливане?

Перехожу к следующему вопросу. По заявлению Кадогана, английские войска появились в Сирии и Ливане в тот период, когда нужно было обезвредить фашистов, засевших в этих странах. Потом, после того, как эта задача была выполнена, британские войска были вынуждены вмешаться в конфликт между французскими войсками и сирийским населением. Эти столкновения носили кровавый характер, и нам здесь напомнили, что британские войска должны были вмешаться для установления порядка. Следовательно, присутствие британских войск в Сирии в мае 1945 года было вызвано или было связано с беспорядками, которые здесь произошли в связи с присутствием там французских войск, имевших столкновение с сирийским населением. В таком случае дело должно идти не об установлении «коллективной безопасности в этой зоне», а об устранении здесь коллективной опасности, созданной присутствием иностранных войск. Из объяснений Кадогана и Бидо видно, что опасность возникла из-за присутствия французских войск и нарушения суверенитета Сирии и что английские войска понадобились для устранения этой опасности. Иначе говоря, если поставить вопрос, который поставил здесь Франжье (глава делегации Ливана), против кого же нужно держать войска в Сирии, то оказывается, что английские войска там сосредоточены для предотвращения беспорядков, которые вызываются присутствием там французских войск, а французские войска держат там потому, что оттуда не уходят английские войска.

И всё это называется «уважением суверенитета». Это, знаете, совершенно новый словарь международного права. Мне кажется, что те объяснения, которые мы здесь слышали от Кадогана и Бидо, говорят о том, что в действительности обстоятельства, исторически

оправдывающие присутствие английских и французских войск в Сирии и Ливане, уже прошли, и тех обстоятельств, которые оправдывали это присутствие с точки зрения борьбы с немецкой агрессией,— этих обстоятельств сейчас уже нет, что те условия, которые могут быть законными и оправдывающими присутствие иностранных войск, союзных иностранных войск, в союзной стране,— сейчас отпали, отсутствуют.

При обсуждении греческого вопроса здесь было признано, что в союзной стране союзные войска могут находиться только по приглашению данного правительства или для охраны коммуникаций. И это был один из доводов, которые здесь использовались против советского требования об эвакуации британских войск из Греции. Говорилось: позвольте, британские войска там находятся потому, что об этом просит греческое правительство. Сейчас просят о противоположном. Почему же эти войска всё же там находятся? Если вас тогда просили оставаться, как здесь утверждали, то сейчас вас просят не оставаться. Я думаю, что эту просьбу надо удовлетворить. Нет оснований говорить о каких-то особых интересах, которые требуют присутствия в союзной стране союзных войск, независимо от тех условий, которые оправдывали бы пребывание этих войск в этой стране.

Кадоган заявил, что «нас — Великобританию и Францию (а может быть, только Великобританию) — нужно освободить от ответственности за мир и порядок в Сирии и Ливане». На этот вопрос можно дать очень прямой и ясный ответ. Что касается советского правительства, то оно охотно немедленно освободит и Францию и Великобританию от этой ответственности, тем более, что никто на них такой ответственности не возлагал. Я думаю, что их охотно освободят от этой ответственности Сирия и Ливан — страны, заинтересованные более, чем кто-либо другой, в этом деле. Ответственность за охрану мира и безопасности в своих государствах они должны взять на себя, как суверенные государства, и в этом им никто не может помешать. Наша организация должна им в этом отношении помочь. Это вытекает из пункта 6 статьи 2 устава организации Объединённых наций, где говорится: «Организация обеспечивает, чтобы государства, которые не являются её членами, действовали в соответствии с этими принципами, поскольку это может оказаться необходимым для поддержания международного мира и безопасности».

Если даже не член организации должен действовать так, чтобы обеспечить приведение в действие принципов, указанных в этой статье, то тем более это правило должно быть применено к государствам, являющимся членами организации Объединённых наций.

Я думаю, вопрос стоит очень просто. Если Вы, Кадоган, спорили по поводу Греции — насколько юридически обосновано требование о выводе британских войск из Греции, когда греческое правительство «просило», чтобы эти войска остались, а мы доказывали, что и при этих условиях нужно вывести британские войска, так как греческое правительство делает в этом случае ошибку, то какие же основания сейчас отказывать в выводе британских и французских войск, когда

два суверенных государства, два члена организации Объединённых наций — Сирия и Ливан — просят в Совете безопасности о выводе британских и французских войск с их территорий? Выход очень простой. Никаких дополнительных переговоров. Дело дошло до Совета безопасности, налицо все условия для того, чтобы рассмотреть этот спор, ибо это — спор, и это вчера очень авторитетно разъяснил Бевин, и этот спор надо решать на основании устава. Бидо говорит: «Я не знаю ни одной статьи в уставе, которая была бы подходящей». Я могу ему помочь в этом деле. Назову статьи 33 пункт 1, 33 пункт 2, статьи 34, 35, 36 пункт 1, статью 37. Я назвал шесть статей, неужели этого недостаточно?

Я думаю, что можно удовлетворить требование — я говорю не просьбу, ибо здесь нельзя просить, именно требование, которое справедливо предъявлено на основе государственного суверенитета независимой суверенной страной, — требование Сирии и Ливана о том, чтобы было вынесено решение Совета безопасности об общей немедленной и одновременной эвакуации французских и британских войск из Сирии и Ливана. Другого выхода из создавшегося здесь положения нет. Два месяца тому назад было заключено англо-французское соглашение об эвакуации войск Британии и Франции из Сирии и Ливана. Я спрашиваю, что сделано за это время для реализации этого соглашения? Где программа, которая предусматривает реализацию этого соглашения, где результаты? Какие меры проводятся? Что реально сделано? Ничего! Два месяца прошли, как один день. Что же, Совет безопасности предпочитает стоять в стороне, как посторонний зритель? Но ведь Совет безопасности — орган, на котором действительно лежит ответственность перед миром за то, чтобы суверенное государство уважалось, чтобы уважался провозглашённый уставом принцип равенства государств, входящих в состав организации Объединённых наций.

Единственное достойное нашей организации решение — это удовлетворить требование сирийского и ливанского правительств, которое советская делегация здесь полностью поддерживает от имени советского правительства».

(ТАСС)

**ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПО ВОПРОСУ
ОБ ОТВОДЕ АНГЛИЙСКИХ И ФРАНЦУЗСКИХ ВОЙСК
ИЗ СИРИИ И ЛИВАНА**

(16 февраля)

Выступая 16 февраля на утреннем заседании Совета безопасности по вопросу об отводе английских и французских войск из Сирии и Ливана, А. Я. Вышинский заявил:

«На обсуждение Совета безопасности предложено несколько проектов решения вопроса относительно вывода англо-французских войск из Сирии и Ливана. Начнём рассмотрение этих проектов с предложения ван Клеффенса. Кстати сказать, по существу проект резолюции, предложенной ван Клеффенсом, ничем не отличается от проекта резолюции, предложенной Стеттиниусом. В конце концов, ни проект резолюции ван Клеффенса, ни проект резолюции Стеттиниуса не говорят, к чему должны сводиться по существу те переговоры между правительствами Англии, Франции, Сирии и Ливана, о которых в своём проекте упоминают ван Клеффенс и Стеттиниус.

Поэтому сущность вопроса, в чём должны заключаться предлагаемые переговоры между двумя сторонами, не раскрывается ни в проекте резолюции ван Клеффенса, ни в проекте резолюции Стеттиниуса.

Я уже дважды ставил г-ну Бидо вопрос и не получил на него ответа о том, какие переговоры имеет в виду Бидо, внося свои предложения на обсуждение Совета безопасности. Я спрашиваю г-на Бидо в третий раз. Г-н Бидо, а также г-н Стеттиниус и г-н ван Клеффенс, скажите, какие переговоры вы имеете в виду? Вы хотите получить доверие Совета безопасности. Мы хотели бы оказать это доверие. Вы говорите о необходимости согласованных решений. Но для того, чтобы достигнуть согласованных решений, надо знать, в чём, по вашему мнению, должны заключаться переговоры между, с одной стороны, правительствами Англии и Франции и, с другой стороны, правительствами Сирии и Ливана. Мы не можем принимать резолюцию, не зная этого, так как такой метод не соответствует достоинству организации Объединённых наций. В проекте резолюции ван Клеффенса и в проекте резолюции Стеттиниуса остаётся неизвестным то, что представляет собой существо всего вопроса о выводе англо-французских войск из Сирии и Ливана. Наоборот, в проекте резолюции, предложенном г-ном Риад и поддерживаемом представителями Сирии и Ливана, даётся ясный ответ на вопрос о характере переговоров. Иначе и нельзя. Кто хочет достигнуть справедливого и искреннего решения обсуждаемого здесь вопроса, тот должен знать, о каких переговорах должна идти речь.

Нельзя принимать также и вторую часть проекта резолюции Стеттиниуса и ван Клеффенса, ибо пока неизвестно, в чём должны заключаться переговоры, нельзя выражать уверенность в успехе этих переговоров. Если тут имеются в виду переговоры о том, вывести или не выводить англо-французские войска из Ливана, то это

возвращает нас к известной памятной записке Франции от 18 мая 1945 года, о которой я говорил в своём первом выступлении и которую, как я понял сегодня из выступления Бидо, французская делегация поддерживает и в настоящее время. Если г-н Стеттиниус и г-н ван Клеффенс имеют в виду такие переговоры, т. е. переговоры о том, выводить или не выводить англо-французские войска из Сирии и Ливана, то такая резолюция абсолютно неприемлема. Надо внести в этот вопрос полную ясность. Если вы считаете, что суверенитет Сирии и Ливана ничего не стоит и с ним считаться не следует, тогда так и скажите. Совет безопасности существует не для того, чтобы охранять спокойствие каждого члена совета, он существует для того, чтобы охранять суверенные права всех Объединённых наций, обеспечить мир и безопасность народов. И нельзя допускать ни малейшего отступления Совета безопасности от этих великих принципов, на которых зиждется вся организация Объединённых наций».

(ТАСС)

«Известия» № 43 (8959)
от 19 февраля 1946 г.

ПИСЬМО А. А. ГРОМЫКО ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ О СОСТОЯНИИ ПЕРЕГОВОРОВ МЕЖДУ СОВЕТСКИМ И ИРАНСКИМ ПРАВИТЕЛЬСТВАМИ, ОГЛАШЕННОЕ НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

3 апреля (в 19 ч. по московскому времени) состоялось заседание Совета Безопасности Организации Объединённых Наций.

Открыв заседание, председатель Совета Безопасности Го Тай-ци зачитал письмо Генерального секретаря Трюгве Ли, в котором Трюгве Ли привёл текст писем, с которыми он обратился 29 марта к А. А. Громыко и к иранскому послу Хоссейн Ала. В письмах запрашивались разъяснения относительно нынешнего положения иранского вопроса.

Затем было оглашено ответное письмо т. Громыко, адресованное Трюгве Ли. Письмо т. Громыко гласит:

«В ответ на Ваше письмо от 29 марта, в котором Вы, по поручению Председателя Совета Безопасности, просите сообщить о состоянии переговоров между Советским и Иранским правительствами и, в частности, обусловлен ли вывод советских войск из Ирана заключением соглашения между обоими правительствами по другим вопросам, имею честь от имени моего правительства сообщить Вам следующее:

Эти переговоры уже привели к договорённости относительно отвода советских войск из Ирана, каковой отвод возобновлён 24 марта с. г. и будет закончен в течение полуторамесячного срока, о чём

я довёл официально до сведения Совета Безопасности на заседании 26 марта с. г. Таким образом, поставленный 18 марта в Совете Безопасности Иранским правительством вопрос об эвакуации советских войск разрешён достигнутой между Советским и Иранским правительствами договорённостью.

Что касается других вопросов, то они не связаны с вопросом о выводе советских войск. Как известно, вопрос о нефтяной концессии или смешанном акционерном обществе возник ещё в 1944 году, независимо от вопроса об эвакуации советских войск.

С уважением посол Андрей Громыко. 3 апреля 1946 года».

Затем Го Тай-ци зачитал ответ иранского посла, датированный 2 апреля.

Совет Безопасности решил отложить заседание до 4 апреля, чтобы члены Совета имели возможность изучить содержание полученных писем.

(ТАСС)

«Известия» № 81 (8997)
от 4 апреля 1946 г.

ПИСЬМО А. А. ГРОМЫКО О СНЯТИИ ИРАНСКОГО ВОПРОСА С ПОВЕСТКИ ДНЯ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Представитель Советского Союза в Совете Безопасности Организации Объединённых Наций т. Громыко направил 6 апреля в Совет Безопасности следующее письмо:

«26 марта, когда Совет Безопасности приступил к рассмотрению заявления Иранского правительства от 18 марта о задержке вывода советских войск из Ирана, я по поручению Советского Правительства предложил снять с обсуждения Совета Безопасности этот вопрос. Мною было указано при этом, что, по договорённости с Иранским правительством, 24 марта началась полная эвакуация советских войск из Ирана, которая закончится в пяти-шестинедельный срок, и что ввиду этого Совет Безопасности не имеет оснований для рассмотрения иранского вопроса. Совет Безопасности, однако, не согласился с Советским Правительством и оставил иранский вопрос в повестке дня. Между тем советско-иранские переговоры продолжались и, как известно из опубликованного совместного советско-иранского коммюнике от 4 апреля, между Советским и Иранским Правительствами достигнута договорённость по всем вопросам.

Таким образом, полностью подтвердилась правильность заявления Советского Правительства, сделанного 26 марта, и необоснованность постановки иранского вопроса на рассмотрение Совета Безопасности.

Советское Правительство не может также пройти мимо постановления Совета Безопасности, принятого 4 апреля. Этим постанов-

лением Совет Безопасности решил продолжить обсуждение иранского вопроса 6 мая, несмотря на то, что Советское Правительство 3 апреля сообщило о том, что вопрос об эвакуации советских войск разрешён достигнутой между Советским и Иранским Правительствами договорённостью. Такое постановление Совета Безопасности могло бы быть обоснованным в том случае, если бы положение в Иране угрожало международному миру и безопасности, как это и предусмотрено статьёй 34 Устава Организации Объединённых Наций. Согласно Уставу Совет Безопасности уполномочен расследовать любой спор или любую ситуацию, которая может угрожать поддержанию международного мира и безопасности. Между тем, совершенно очевидно, что в действительности в Иране не было и нет такого положения, ввиду чего у Совета Безопасности не было основания для дальнейшего обсуждения иранского вопроса 6 мая.

Таким образом, указанное постановление Совета Безопасности от 4 апреля является неправильным и незаконным, находясь в противоречии с Уставом Организации Объединённых Наций.

На основании всего вышеизложенного, Советское Правительство настаивает на том, чтобы иранский вопрос был снят с повестки дня Совета Безопасности.

(ТАСС)

«Известия» № 85 (9001)
от 9 апреля 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОЛЬСКОГО ДЕЛЕГАТА ЛАНГЕ О ТОМ, ЧТОБЫ ОБЪЕДИНЁННЫЕ НАЦИИ НЕМЕДЛЕННО ПОРВАЛИ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ С ИСПАНИЕЙ

(18 апреля)

Отметив, что кое-где раздаются голоса о том, что польское заявление представляет собой вмешательство во внутренние дела Испании, что запрещается пунктом 7 статьи 2 устава, т. Громыко заявил, что подобные утверждения не имеют под собой основания и представляют собой искажение действительности.

«Делегации стран — членов Объединённых наций, принимавших участие в выработке устава на конференции в Сан-Франциско, — сказал т. Громыко, — естественно, старались подготовить такой устав, который позволил бы в максимальной степени избежать в будущем ошибок, подобных роковой ошибке, которая была допущена в отношении фашистских государств в прошлом. Поэтому устав допускает применение организацией Объединённых наций определённых мер в отношении тех государств, внутренние условия которых вызывают угрозу миру».

Возражая членам совета и, в частности, Кадогану и ван Клеф-фенсу, которые пытались доказывать, будто бы обращение польского правительства является необоснованным и что положение в Испании якобы не представляет никакой угрозы для дела мира и безопасности, т. Громыко сказал, что такие утверждения не имеют ничего общего с действительностью.

«Вряд ли,— продолжал он,— кто-либо из членов Совета безопасности возьмёт на себя смелость отрицать фашистскую природу режима Франко. Известно, что этот режим вырос не путём развития внутренних сил в Испании, а в результате вмешательства извне, со стороны основных государств оси — гитлеровской Германии и фашистской Италии, навязавших испанскому народу фашистский режим Франко».

Одного факта фашистского происхождения режима, существующего в Испании, продолжал т. Громыко, достаточно, чтобы поставить перед Советом безопасности вопрос о том, возможно ли для миролюбивых государств, создавших организацию Объединённых наций после борьбы с фашистскими агрессорами, повлекшей колоссальные людские и материальные жертвы, не принимать соответствующих мер к устранению создавшегося в Испании положения, представляющего угрозу для мирного развития и существования народов.

Перейдя к вопросу о внешней политике франкистского режима во время второй мировой войны, Громыко отметил, что Франко на протяжении всей войны, как известно, был верным союзником Гитлера и Муссолини.

Указав, что в настоящее время на свет появилось много документов, вскрывающих отношения Франко с гитлеровской Германией, т. Громыко привёл, в частности, донесение гитлеровского посла в Мадриде фон Шторера от 10 августа 1940 года, в котором изложены условия, выставленные Франко для немедленного вступления в войну на стороне держав оси. Уже 11 ноября 1940 года тот же Шторер сообщил в Берлин, что министр иностранных дел Испании подписал испано-германское соглашение о вступлении Испании в войну.

«Если в дальнейшем Испания формально в войну не вступила, то это произошло лишь в силу обстоятельств, от неё не зависящих. Я говорю «формально не вступила в войну», потому что абсолютно неверны утверждения, что Испания вообще не принимала участия во второй мировой войне, оставаясь «невоюющей стороной». Достаточно вспомнить о фактах, на которые неоднократно обращало внимание моё правительство, а именно — на участие испанской так называемой Голубой дивизии в боях против Красной Армии, чтобы стало очевидным, что и формальный повод о том, будто бы Испания Франко не принимала участия в военных действиях против Объединённых наций, является неправильным.

Испанские солдаты, посланные Франко на Восточный фронт, отравились не для участия в лыжном спорте, тем более, что лыжники из них, говорят, плохие. Они были направлены для того, чтобы принимать участие на стороне фашистской Германии в военных действиях против Красной Армии».

Участие франкистской Испании во второй мировой войне на стороне держав оси, сказал далее т. Громыко, как известно, не исчерпывается посылкой испанских военных контингентов на Восточный фронт для борьбы против Советского Союза. Фактическое участие Испании в войне на стороне держав оси имело место и в других формах. Разве франкистская Испания не посылала стратегическое сырьё в Германию и Италию во время войны? Можно привести десятки и даже сотни фактов, сказал т. Громыко, подтверждающих тезис о том, что существование режима Франко таит в себе серьёзную опасность для свободолюбивых наций в Европе и Южной Америке, а, следовательно, не согласуется с теми высокими целями, которые провозглашены организацией Объединённых наций. Тов. Громыко сослался на данные мировой печати, согласно которым в настоящий момент в Испании находится не менее 80 тысяч нацистов, бежавших в разное время из Германии. Среди них находятся крупные деятели германской военной промышленности, видные фашистские чиновники, дипломаты и другие. Имена многих из них опубликованы в печати, а, следовательно, всем известны. Нацистские военные преступники продолжают оставаться в Испании вместо того, чтобы предстать перед Международным трибуналом. В Испании нашёл приют ряд видных германских промышленных фирм. В этом контексте полезно сослаться на официальные материалы, представленные комитету Килгора департаментом финансов Соединённых Штатов 2 июля 1945 года. Эти материалы дают ясное представление о влиянии, которое имеют в Испании такие германские предприятия, как предприятия Фарбениндурии, предприятия по производству стали и т. д.

Тов. Громыко напомнил о том, что «советское правительство и его глава Генералиссимус Сталин ещё задолго до войны предупреждали народы и государственных деятелей других стран об опасности, которую несёт с собой фашизм, и призывали к активным мерам борьбы против надвигавшейся фашистской агрессии. Предупреждение и призыв советского правительства, к сожалению, не получили тогда должного отклика со стороны тогдашних правительств некоторых государств»...

Тов. Громыко указал далее, что Совет безопасности не может легко отмахнуться от испанского вопроса, что всё громче и громче раздаются голоса действительных борцов за мир и безопасность, требующие разрыва с Франко.

«Миролюбивое человечество не поймёт отказа Совета безопасности принять решительные меры против того, чтобы гидра фашизма, ампутированная Объединёнными нациями в одном месте мира, спокойно существовала бы в другом месте мира. Я хочу выразить надежду, что Совет безопасности в должной мере оценит положение, существующее в Испании, эту серьёзную опасность, которой чревато это положение для мира в будущем, и поддержит предложение, внесённое нашим польским коллегой».

(ТАСС)

ЗАЯВЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО ПО ПОВОДУ ВЫСТУПЛЕНИЯ ХАТСОНА

(24 мая)

Газета «Нью-Йорк таймс» сообщает, что во время официального приёма польского генерал-лейтенанта Бур-Комаровского, состоявшегося 23 мая в городе Нью-Йорке, помощник генерального секретаря организации Объединённых наций по административным и финансовым вопросам Хатсон приветствовал Бур-Комаровского «от имени Объединённых наций».

Глава советской делегации в Совете безопасности организации Объединённых наций А. А. Громыко сделал следующее заявление представителям печати: «Приветственное заявление помощника генерального секретаря организации Объединённых наций Хатсона на приёме в Вальдорф-Астория 24 мая в честь известного польского дезертира, врага Польши и польского народа можно воспринять лишь как недопустимое. Как стало известно, Хатсон не имел никаких полномочий от генерального секретаря приветствовать этого дезертира от имени Объединённых наций. Такой поступок со стороны члена персонала организации Объединённых наций компрометирует не только членов персонала организации, но и имя самой организации».

(ТАСС)

«Известия» № 124 (9040)
от 28 мая 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПОДКОМИТЕТА ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ИСПАНСКОЙ СИТУАЦИИ

(13 июня)

13 июня состоялось заседание Совета безопасности для обсуждения предложения подкомитета по расследованию испанской ситуации. Выступивший на заседании Совета безопасности представитель СССР т. Громыко заявил, что «собранные подкомитетом материалы, поступившие от стран — членов организации Объединённых наций и от имени испанского республиканского правительства Хирала, полностью подтверждают правильность обвинения, выдвинутого против режима Франко представителем Польши в его письмах на имя генерального секретаря от 8 и 9 апреля с. г. Полученные подкомитетом фактические сведения подтверждают, что существование фашистского режима Франко и последствия, которые связаны с его существованием, представляют международную проблему. Подкомитет дал также в основном правильную характери-

стику существующего в Испании режима, как режима, возникшего не из условий внутреннего развития Испании, а в результате внешнего вмешательства со стороны стран оси. В подкомитет поступил ряд документов, относящихся к поведению франкистской Испании во время войны. Эти документы подтверждают, что франкистская Испания действовала во время войны как союзник гитлеровской Германии и фашистской Италии. Этот союз выходил за пределы чисто политического сотрудничества. Франкистская Испания являлась также военным союзником Германии».

«Если фашистская Испания не успела полностью вступить в войну против союзников,— сказал т. Громыко,— то это произошло по причинам, не зависящим от Франко. Красная Армия, а затем и англо-американские войска стали наносить Германии серьезные поражения одно за другим раньше, чем Франко успел привести в исполнение свой коварный замысел о полном вступлении в войну». Тов. Громыко подчеркнул, что на Восточном фронте принимали участие в боях против Красной Армии 47 тысяч испанских офицеров и солдат. Кроме того, на Восточном фронте находилась также испанская авиационная эскадрилья.

Приведя документы, показывающие, что посылавшиеся на Восточный фронт военные испанские части представляли собой регулярные военные соединения, т. Громыко сказал:

«Не подлежит, таким образом, сомнению тот факт, что фашистская Испания принимала практическое участие в войне против союзников. Этого нельзя упускать из виду при обсуждении вопроса о том, какие меры необходимо предпринять в отношении режима Франко». Тов. Громыко привёл в качестве доказательства сотрудничества германской и испанской военной разведки в период войны заявление генерал-лейтенанта Гунтера Краппе, бывшего германского военного атташе в Мадриде, и полковника Ганса Ремера, бывшего германского военного атташе в Танжере, а также полученную им 12 июня из Москвы по бильдаппарату копию заявления генерал-лейтенанта Бамлера, бывшего начальника 3-го отдела разведывательной германской организации, так называемого «Абвер»:

«Представленные подкомитету документы, относящиеся к вопросу об укрытии Испанией как германских военных преступников, так и военных преступников других национальностей,— заявил т. Громыко,— также заслуживают самого серьезного внимания. Одно то обстоятельство, что Испания стала приютом для большого числа опасных военных преступников, принимавших участие в кровавых выступлениях гитлеровцев против миролюбивых народов, показывает, что она превратилась в опасный фашистский очаг, существование которого представляет опасность для миролюбивых народов, пытающихся покончить с фашизмом, выкорчевать остатки фашистских порядков».

Подчеркнув, что люди, утверждающие, будто бы фашистский режим в Испании не является реальной угрозой миру, повторяют провалившиеся аргументы, высказывавшиеся, например, в своё время в отношении фашистского режима Муссолини, т. Громыко сказал:

«Первым шагом, могущим сыграть положительную роль в решении испанской проблемы, может быть разрыв дипломатических отношений всех государств — членов Объединённых наций — с Франко. Ситуация в Испании такова, что она уже требует не только морального осуждения Франко, но и практических действий в соответствии с уставом организации».

Останавливаясь в заключение на выводах подкомитета, представляющих в то же время и предложения Совету безопасности, т. Громыко сказал: «Приведя богатый фактический материал, подтверждающий, что режим Франко является угрозой миру, подкомитет тем не менее не осмелился сделать правильный вывод, вытекающий из всех материалов, которыми он пользовался. В предложении подкомитета указывается, что ситуация в Испании будто бы не представляет в настоящее время угрозы миру и что эта ситуация не подпадает под определение статьи 39 устава».

Такой вывод является неправильным. Он сделан ввиду ограниченного толкования статьи 39. Подкомитет пришёл к заключению, что ситуация в Испании представляет якобы лишь потенциальную угрозу миру. Введя понятие потенциальной угрозы миру, подкомитет отступил от точного смысла статьи 39. Такой вывод может явиться базой для неправильной и опасной доктрины, способной умалить значение соответствующих статей устава, поскольку идёт речь об основанной на этих статьях деятельности Совета безопасности. Выходит, что действительная угроза миру существовала бы лишь в том случае, если бы фашистская Испания предприняла практические военные действия. Но тогда это была бы не просто угроза миру, а уже акт агрессии.

Руководствуясь первым выводом, подкомитет сделал неправильный и второй вывод, будто бы Совет безопасности не имеет права принимать решения о разрыве дипломатических отношений с Франко, т. е. действовать в соответствии со статьёй 41 устава.

В заключении подкомитета содержится ещё одно важное, но неправильное предложение. Я имею в виду рекомендацию подкомитета не принимать решения в Совете безопасности о разрыве дипломатических отношений с Франко, а рекомендовать вынести такое решение Генеральной ассамблее, имея, вероятно, в виду очередную сессию Ассамблеи. Это предложение имеет два недостатка:

1) Оно противоречиво по своему характеру. С одной стороны, подкомитет считает, что Совет безопасности не имеет права выносить в данном случае решение о разрыве отношений с Франко, исходя из указанного выше неправильного утверждения, будто бы ситуация в Испании в настоящее время не представляет угрозы миру. С другой стороны, подкомитет считает необходимым разрыв отношений с Франко, рекомендуя, однако, чтобы этот разрыв был осуществлён Генеральной ассамблеей. Противоречивость этого предложения налицо.

2) Утверждая, будто бы Совет безопасности в данном случае не имеет права выносить решения о разрыве отношений с Франко, и рекомендуя сделать это Ассамблее, подкомитет в отношении данного вопроса как бы меняет местами Совет безопасности и Гене-

ральную ассамблею. На Совете безопасности лежит главная ответственность за поддержание мира, и в силу этого именно Совет безопасности должен и призван разрешить вопрос о мероприятиях по отношению к режиму Франко». Указав, что именно Совет безопасности является тем органом, который должен выносить решения о действиях в связи с вопросами поддержания мира, т. Громыко сказал:

«Совет безопасности, как орган, призванный обеспечить поддержание мира и безопасности, не должен уклоняться от принятия решений о проведении практических и быстрых мер в отношении режима Франко. Передача испанского вопроса на Генеральную ассамблею означала бы, что Совет безопасности уклоняется от выполнения своих прямых задач».

«Советская делегация,— сказал т. Громыко,— попрежнему считает, что предложение о вынесении Советом безопасности решения о разрыве дипломатических отношений с Франко является абсолютно правильным и обоснованным. Если Совет безопасности хочет действительно предпринять шаг, отвечающий серьезности обсуждаемого вопроса, то он не может не согласиться с этим предложением...

Я счёл необходимым сделать это заявление с целью обратить ещё раз внимание моих коллег в Совете безопасности на серьезность обсуждаемого нами вопроса и на те последствия и тот эффект, которые могут быть связаны с решением совета по данному вопросу».

«Известия» № 140 (9056)
от 15 июня 1946 г.

(ТАСС)

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ВОПРОСА О ПОЛНОМОЧИЯХ КОМИССИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПО ВОПРОСУ О ПРИЕМЕ НОВЫХ ЧЛЕНОВ

(7 августа)

7 августа состоялось заседание Совета безопасности, на котором обсуждался вопрос о полномочиях комиссии Совета безопасности по вопросу о приеме новых членов.

Первым выступил делегат СССР А. А. Громыко, который заявил, что задача комиссии заключается в изучении всех документов, связанных с заявлениями о приеме в члены организации Объединённых наций, но что он сомневается в том, целесообразно ли предоставлять комиссии право непосредственно обращаться к государствам, подающим заявления о приеме, или к другим правительствам за дополнительным материалом или другими сообщениями. Только Совет безопасности имеет подобное право. Громыко указал, что, по его

мнению, комиссия несколько превысила свои полномочия и функции, предложив обращаться непосредственно к государствам, подающим заявление. Это право принадлежит Совету безопасности.

(ТАСС)

«Известия» № 187 (9103)
от 9 августа 1946 г.

**ТЕЛЕГРАММА Д. З. МАНУИЛЬСКОГО
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ОРГАНИЗАЦИИ
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ ТРЮГВЕ ЛИ
ПО ВОПРОСУ О ТОМ, ЧТО ПОЛИТИКА
ГРЕЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА УГРОЖАЕТ
МЕЖДУНАРОДНОМУ МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ**

(24 августа)

*Генеральному секретарю ООН г-ну Трюгве Ли
Нью-Йорк*

По поручению правительства Украинской Советской Социалистической Республики имею честь обратиться в Совет Безопасности со следующим заявлением.

За последнее время, и особенно с начала работы Мирной конференции в Париже, в результате безответственной политики нынешнего греческого правительства на Балканах создана обстановка, серьезно угрожающая миру и безопасности в этой части Европы и вызывающая законное беспокойство всех искренних сторонников мира.

Вызывают беспокойство, прежде всего, многочисленные пограничные инциденты на греко-албанской границе, провоцируемые греческими вооруженными частями при попустительстве и поощрении со стороны греческих правительственных органов.

Греческими отрядами производится систематический обстрел албанских пограничных застав, равно как и албанских крестьян, производящих полевые работы в прилегающих к границе районах.

Всё более и более учащаются случаи вторжения греческих вооруженных групп на албанскую территорию с явной целью спровоцировать вооруженный конфликт с Албанией, который послужил бы поводом для отторжения южной части Албании в пользу Греции.

К тому же все вновь повторяемые заявления представителей нынешнего греческого правительства о якобы существующем состоянии войны Греции с Албанией, высказываемые ими в своих публичных выступлениях и в печати, а также с трибуны Мирной конференции в Париже, ещё более раскаляют атмосферу.

Наряду с тем вызывает не меньшую тревогу преследование греческим правительством национальных меньшинств, проживающих в Македонии, Фракии и Эпире. Режим, установленный для них теперешним греческим правительством, отличается особенно жестоким характером. Десятки тысяч македонцев, болгар, фракийцев, албанцев, оказавшихся под невыносимым игом национального угнетения.

и расовой дискриминации, вынуждены искать себе убежище в соседних государствах. Спасаясь от угрозы поголовного физического уничтожения, они поставлены в необходимость оставить свои исконные земли, свои семейные очаги и имущество и искать себе приюта вне пределов Греции, испытывая тяжёлую нужду и лишения.

Такого рода политика, воскрешающая мрачные приёмы разжигания национальной вражды, при помощи которых в прошлом готовились войны на Балканах, грозит вновь превратить Балканский полуостров в очаг острых конфликтов и повлечь за собой международные осложнения.

Этим же целям служит и необузданная пропаганда крайних греческих монархистов, выставляющих требования отторжения от Албании исконных албанских земель и добивающихся нового пердела Балкан.

Создавшейся в силу этой политики нынешнего греческого правительства обстановке на Балканах благоприятствует в первую очередь пребывание в Греции английских вооружённых сил и прямое вмешательство английских военных представителей во внутренние дела этой союзной страны в пользу агрессивных монархических элементов, особенно в деле подготовки референдума, назначенного на 1 сентября с. г., который должен определить форму правления в Греции.

Проведение референдума в подобных условиях при наличии иноземных войск, поддерживающих те элементы, которые в своей значительной части сотрудничали с немецкими и итальянскими оккупантами против тех греческих патриотов, которые мужественно боролись против оккупантов на стороне союзников, противоречит целям войны, провозглашённым союзными державами как во время войны, так и после её окончания.

Оно противоречит также целям и принципам Устава Объединённых наций, в частности пункту 2-му статьи первой этого Устава, признающему за каждым народом право на свободное самоопределение как своей судьбы, так и своей формы правления.

В силу изложенных мотивов, на основании статьи 35 параграфа 1 Устава Объединённых наций, имею честь довести до сведения Совета Безопасности об указанной ситуации, как имеющей характер, предусмотренный статьёй 34 Устава Объединённых наций, и просить Вас включить в порядок дня ближайшего заседания Совета Безопасности вопрос о сложившемся вследствие политики греческого правительства положении на Балканах, угрожающем поддержанию международного мира и безопасности, и о мероприятиях, которые должны быть безотлагательно приняты Советом Безопасности в целях устранения создавшейся угрозы миру.

*Министр Иностранных Дел Украинской Советской
Социалистической Республики
Д. МАНУИЛЬСКИЙ.*

**ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО В СОВЕТЕ БЕЗОПАСНОСТИ
ПО ВОПРОСУ О ВКЛЮЧЕНИИ В ПОВЕСТКУ ДНЯ
ЗАЯВЛЕНИЯ УКРАИНСКОЙ ССР ОТНОСИТЕЛЬНО ГРЕЦИИ
(28 августа)**

28 августа состоялось заседание Совета безопасности организации Объединённых наций.

Выступивший на заседании Громыко возражал против попыток предотвратить обсуждение советом заявления представителя Советской Украины. Громыко отметил, что Советская Украина поставила важный вопрос, существенно затрагивающий мир и безопасность. Громыко сказал, что Совет безопасности не может уклоняться от таких вопросов.

Касаясь утверждения ван Клеффенса о том, что заявление Советской Украины не заслуживает рассмотрения, так как оно якобы не основано на фактах, Громыко сказал, что необоснованными являются утверждения ван Клеффенса. Совет безопасности должен изучать такие жалобы, — это является элементарной истиной, которая должна быть ясной для всего совета, в том числе и для делегата Голландии. Напоминая, что на прежних заседаниях совета ван Клеффенс выступал за самое широкое обсуждение некоторых вопросов, поддерживаемых другими правительствами, Громыко указал, что в настоящее время ван Клеффенс занимает противоположную позицию. Отметив, что Кадоган поддержал ван Клеффенса, Громыко заявил, что Кадоган хочет избежать обсуждения вопроса, однако это не является достаточной причиной для того, чтобы совет принял просьбу Кадогана. Уклонение от обсуждения украинского заявления подорвало бы престиж Совета безопасности в глазах Объединённых наций и всего мира. Громыко сказал, что он хочет протестовать против предложения о том, чтобы совет уклонился от рассмотрения заявления Советской Украины, и отмечает, что вопрос заслуживает обсуждения в соответствии с серьёзностью ситуации, которой он касается.

(ТАСС)

«Известия» № 204 (9120)
от 29 августа 1946 г.

**ПРЕДЛОЖЕНИЯ А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПО ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ СОЮЗНЫХ ВОЙСК
НА ТЕРРИТОРИЯХ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ**

(29 августа)

В связи с войной Объединённых наций против общего врага — гитлеровской Германии и милитаристской Японии — на территорию ряда стран Объединённых наций и некоторых государств, не участвовавших в этой войне, были введены войска других держав — членов Объединённых наций в целях изгнания немецких и японских

оккупантов или в целях предотвращения вторжения войск держав оси. После того, как эти задачи были разрешены и война закончилась, а Германия и Япония были поставлены под контроль союзных оккупационных войск, часть союзных войск с некоторых территорий была выведена. Однако, по имеющимся сведениям, на территориях ряда Объединённых наций и других государств, не относящихся к бывшим вражеским территориям, продолжают оставаться войска союзных держав. Присутствие союзных войск в течение длительного времени после окончания войны, не вызываемое военной необходимостью, не может не порождать вполне естественного беспокойства у народов тех стран, в которых до сих пор продолжают находиться иностранные войска.

Вместе с тем и мировое общественное мнение, заинтересованное в скорейшем установлении мира и поддержании всеобщей безопасности, с нескрываемой озабоченностью следит за создавшимся положением в упомянутых странах.

Принимая во внимание вышеизложенное, Совет безопасности должен изучить вопрос о пребывании союзных войск в настоящее время на территориях Объединённых наций и других государств, за исключением бывших вражеских территорий. В распоряжении Совета безопасности не имеется, однако, сведений о том, где именно на территориях Объединённых наций и других государств, за исключением бывших вражеских территорий, и какое количество войск других Объединённых наций продолжает ещё оставаться. Между тем, имея в виду возложенные на Совет безопасности обязанности, предусмотренные главой 7 устава организации Объединённых наций, Совет безопасности должен быть осведомлён о расположении и о количестве вооружённых сил Объединённых наций на указанных территориях.

В соответствии с этим я по поручению советского правительства вношу предложение о том, чтобы Совет безопасности принял решение обязать государства, являющиеся членами организации Объединённых наций, представить в Совет безопасности в двухнедельный срок следующие сведения: 1) в каких пунктах территорий Объединённых наций или иных государств, за исключением бывших вражеских территорий, и в каком количестве расположены вооружённые силы других Объединённых наций; 2) в каких пунктах на указанных выше территориях расположены авиационные и морские базы и каков состав их гарнизонов, принадлежащих к вооружённым силам других государств — членов организации Объединённых наций; 3) указанные в параграфах 1 и 2 сведения представляются по состоянию на 1 августа 1946 года.

РЕЧЬ Д. З. МАНУИЛЬСКОГО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПО ВОПРОСУ О ДЕЙСТВИЯХ ГРЕЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА,
УГРОЖАЮЩИХ МЕЖДУНАРОДНОМУ МИРУ
И БЕЗОПАСНОСТИ

(4 сентября)

Прежде чем перейти к существу вопроса,—сказал Мануильский,—я хочу сделать несколько замечаний предварительного характера. Представителя Украинской Советской Социалистической Республики упрекали здесь в том, что его заявление не написано так, чтобы оно понравилось даже представителям государств, действия которых критикуются в его заявлении. Но такой задачи мы себе не ставили и не могли поставить: критика всегда неприятна тем, против кого она направлена.

Говорили о том, что украинское заявление не вполне соответствует установленной дипломатической форме. Но известно из истории, что одного из первых дипломатов Соединённых Штатов, Франклина, тоже упрекали в этом люди, которые хотели укрыться за формой от неприятной для них правды. Нельзя согласиться с такой формой условных этикетов, которые расходятся со здравым смыслом миллионов людей. Нам, советским людям, кажется странным, когда за дипломатическим столом один из партнёров, отодвигая пепельницу от своего соседа, приносит тысячу извинений и в то же самое время старается отодвинуть границу чужой страны, скажем, к примеру, Албании, на сотни километров, и не только не извиняется, но устраивает при этом пограничные инциденты и шумит о состоянии войны с Албанией. Выражают сожаление, когда чуть коснутся ногой соседа за столом, но в то же время сажают в тюрьмы, ссылают на острова республиканцев, физически уничтожают демократов в Греции и не только не выражают сожаления, но и сердятся, когда их критикуют за это. Благодарят за поданную соседом спичку, чтобы закурить сигару, и в то же время забирают нефть, сырьё у Индонезии, и не только не благодарят Индонезию, а выражают недовольство сопротивлением Индонезии. Как видите, господа, есть разные понятия об отношениях между государствами, нациями и людьми.

Представитель Великобритании советовал украинской делегации ещё до того, как она выступила, умеренность в выражениях. Украинская делегация всегда умеренна в выражениях, но она в качестве компенсации требует, чтобы греческие монархисты были умеренны в своих действиях. О чудовищных фактах можно говорить в самых умеренных выражениях, но они всё равно будут задевать тех, кто является их виновником. Если, допустим, в Греции начальник штаба второго корпуса, действующего в качестве карательного отряда в Фессалии, полковник Франкиадакис издаёт приказ за № 1098, предлагающий арестовывать в качестве заложников семьи и сжигать

деревни, людей, недовольных нынешним режимом в Греции, то в какую мягкую форму ни облечь этот факт, он всё же остаётся диким проявлением монархического сумасбродства, напоминающего действия гитлеровцев в оккупированных странах.

Представитель Голландии, выступавший на заседании 3 сентября после советского представителя, заявил, что речь г-на Громыко его не убедила, так как в ней не было документов. Приведём ещё один документ — секретный приказ № АП 168 генерал-губернатора Восточной Македонии генерала Мелисиноса, из которого явствует, что греческие крайние монархисты при содействии английских властей создают монархические банды, терроризирующие местное население. Вот текст этого приказа: «Четвёртая английская индусская дивизия, желая улучшить порядок в Македонии, решила выдать оружие заслуживающим доверие крестьянам из расчёта не более 6 крестьян на деревню. Отбор этих крестьян будет производиться совместно со старостами английскими военными властями и жандармами. Списки деревень, которым следует дать оружие, будут сообщаться префектами совместно с местными английскими и жандармскими властями. Подписал: генерал Мелисинос».

Документ, конечно, неприятный для тех, кто ответственен за действия этих банд, но из песни слова не выкинешь. Возьмём далее ещё один документ. Известно, что в Фессалии оперирует вооружённая монархическая банда Сурласа, имеющая на своём счету десятки убитых демократов. При этой вооружённой монархической группе в качестве политического советника находится английский офицер Джордж, похитивший из поезда и расстрелявший после пыток видного греческого журналиста Видалиса.

Г-н ван Клеффенс требовал снимков. Предлагаю его вниманию снимок, изображающий этих охотников за людьми. Согласитесь, что каким бы тонким дипломатическим языком мы бы ни говорили, но документ не может не задеть тех, кого он касается.

Перехожу к существу вопроса. Вопрос о ситуации, сложившейся в Греции, обсуждается Советом безопасности не впервые. Ещё в феврале месяце нынешнего года советская делегация представила Совету безопасности обширный материал, основанный на документах, фактах, заявлениях видных политических деятелей как в самой Греции, так и в Великобритании о господствующем в Греции терроре против демократических сил греческого народа. Советская делегация указывала тогда, что выборы, которые подготавливают в условиях этого террора крайние монархические элементы в Греции 31 марта 1946 года, не могут быть изъявлением воли греческого народа, а фальсифицируют эту волю, что они неизбежно повлекут за собой внутреннюю гражданскую войну и чрезвычайно обострят отношения Греции с другими Балканскими государствами. Советская делегация особенно настаивала на том, что террористическая политика крайних греческих монархистов в отношении греческих демократических партий неизбежно перерастёт в агрессивные действия в отношении других народов.

Как известно, такими путями шли все реакционные режимы, подготовлявшие внешние агрессии против других миролюбивых

народов. Советская делегация предупреждала, что агрессивные монархические элементы, используя пребывание английских войск в Греции для целей внутренней борьбы против ЭАМ и других демократических партий и объединений, тем самым облегчают себе осуществление своих агрессивных намерений в отношении своих соседей.

Нам говорили тогда, что советская делегация сгущает краски, что за правильным ходом выборов будут следить иностранные наблюдатели, что после выборов в Греции наступит успокоение, что только после успокоения Греции в ней будет проведён плебисцит о форме правления в Греции не раньше 1948 года. Господин Бевин обещал далее, что, как только пройдут выборы и условия позволят, английское правительство выведет свои войска из Греции. Так он говорил 4 февраля на заседании Совета безопасности, так он говорил в палате общин 27 марта 1946 года, и господин Бевин говорил, наконец, 4 февраля 1946 года, что он готов будет использовать всё своё влияние на греческое правительство, чтобы положить конец пограничным инцидентам.

Семь месяцев прошло со времени февраля 1946 года. Сделанные обещания выполнены не были. Сегодня положение в Греции хуже, чем оно было в феврале 1946 года. Обещанного успокоения в Греции не наступило. Прав оказался не господин Бевин, а господин Софулис, проводивший выборы 31 марта 1946 года и предупреждавший тогда, что в итоге этих фальсифицированных выборов в Греции усилятся гражданская война, усилятся террористические действия крайне монархических элементов, произойдёт дальнейшая ликвидация демократических учреждений в Греции. Прав оказался и бывший министр иностранных дел Греции господин Софианопулос, говоривший в том же духе 26 марта 1946 года. Прав оказался бывший премьер генерал Пластирас, который 13 мая 1946 года, раскритиковав фальсифицированные выборы от 31 марта, заявил: «Фальшивый плебисцит будет постоянной раной в сердце Греции. Я верю, что настоящий плебисцит закончился бы демократической победой. Я спрашиваю вас, если вы хотите знать подлинное положение в Греции,— почему бы не заслушать здесь представителей всех демократических партий Греции?»

Все демократические партии в Греции, не только объединённые в ЭАМ, но и весьма умеренные — аграрная партия, партия радикалов-демократов, демократический союз, партия левых демократов, союз народной демократии, демократическая конфедерация и т. д. — все сходились на том, что к плебисциту, если он произойдёт вскоре после выборов 31 марта, Греция окажется в таком состоянии, когда никакое свободное изъяснение народом его воли будет невозможно. И действительно, немедленно после выборов 31 марта греческое правительство приступило к тому, что называется в Греции «монархизацией» страны. Началась чистка государственных учреждений и армии от республиканских элементов и замена их агрессивными монархическими элементами. Кто проводил эту чистку? Люди, сотрудничавшие с немцами, вроде генерала Ванитароса, Спилиотопулоса, которые в мае месяце уволили из армии

80 генералов и свыше ста полковников, заменив их крайними монархистами, как об этом заявил бывший военный министр Манетас. То же творилось и в гражданских учреждениях. По всей стране прокатилась волна такого террора, который превосшёл даже террористические мероприятия, при помощи которых проводились выборы 31 марта 1946 года. Представитель Советского Союза огласил здесь цифры убитых, искалеченных и замученных греческими монархистами демократов и республиканцев. Да они известны всему миру. В мировой печати, несмотря на все преграды, появились сведения о тех методах, при помощи которых нынешнее греческое правительство подготавливало плебисцит. О них знают все, кроме тех, кто был заинтересован в том, чтобы правда не была оглашена по крайней мере до 1 сентября — дня проведения плебисцита.

Это может казаться диким, но это факт, что за месяц до проведения плебисцита в Греции были распущены профсоюзы, в момент, когда все демократические правительства признают или вынуждены признать ту крупную роль, которую сыграли профсоюзы в войне и которую они также сыграют в восстановлении мира от ран, нанесённых войной, распущены в момент, когда Ассамблея Объединённых наций привлекает их в Экономический совет, — в это время в Греции ликвидируют профсоюзы по тому избитому трафарету, который имел хождение до войны в фашистских странах. Передо мной лежит заявление, поданное президиуму Мирной конференции Международной федерацией профсоюзов, насчитывающей 65 миллионов членов в своих рядах, протестующее против действий греческого правительства, взволновавших людей труда во всём мире.

Можно отмахнуться от этого документа, можно спрятать под сукно, но в общественном мнении мира он останется как серьёзное предупреждение греческому правительству, бросившему вызов миллионам организованных людей труда. Нам могут сказать, что роспуск греческих профсоюзов есть внутреннее дело Греции, но и рабочее законодательство также является внутренним делом Греции, но это не помешало английскому экономическому советнику в Греции господину Вильямсу Борну послать 9 апреля министру национальной экономики Александрису заключение, направленное против рабочего законодательства, которое якобы мешает развитию горно-рудной промышленности в Греции.

Нет ничего удивительного в том, что три английских депутата — Лесли Солли, Стэнли Тиффани, Норман Додд, которые в мае — июне этого года посетили Грецию и провели в ней длительное обследование, публично заявили 17 июня в Париже, что Греция уже на 90 процентов является фашистской страной, что ни о каких свободных выборах в Греции не может быть и речи, что даже по официальным данным нынешнего греческого правительства в Греции голосовало 31 марта только 50 процентов избирателей, что все демократические партии подтверждают, что избирательные списки были фальсифицированы. В системе подготовки фальсифицированного плебисцита нельзя не отметить также значения карательных экспедиций. Карательные экспедиции действовали в течение всего 1946 года, они были составной частью мероприятий по так

называемому «успокоению» Греции. В первую очередь они были направлены против национальных меньшинств и в том числе славян в Греции. Так, например, только в 13 деревнях области Флорина из 8 500 славян было изувечено и тяжело ранено 3 400 человек и арестовано 500 человек. Особенно свирепствовал в районе Флорины жандармский поручик Делигианис, служивший в немецком охранном батальоне. По приказу этого поручика сжигались дома, в которых проживали славяне. Представьте, господа, на минуту, что где-нибудь люди, принадлежащие к англо-саксам и составляющие меньшинство в данном государстве или территории, подверглись бы подобному обращению. Признали ли бы вы за Великобританией право защищать своих единоплеменников или такую защиту объявили бы средством политической пропаганды, как это делали некоторые из членов Совета безопасности в отношении заявления правительства Украинской ССР?

Но особенно усилилась практика посылки карательных экспедиций за несколько недель до плебисцита.

Возьмём для примера восточную часть Македонии, где наиболее густо сосредоточено македонское население. Карательные отряды ворвались в районы Бермона, вокруг городов Науса, Верия, Эдесса. Целые деревни полверглись сожжению, а население их угонялось. Террористические группы убивали людей без всякого суда и следствия. Репрессивные меры распространялись на женщин и стариков. Так, в деревнях, прилегающих к городу Науса, было захвачено 40 женщин, подвергшихся настолько жестокому обращению, что две из них сошли с ума. Если нужны имена пострадавших лиц, мы дадим эти имена. Газета «Врадини» — эта правая газета, не сочувствующая демократам, — 3 августа, описывая карательную экспедицию 9-й дивизии в районе Олимпа, писала, что «министр общественного спокойствия и английский офицер — помощник главы английской миссии осуществляют наблюдение за операцией». Представитель Голландии может сказать, что сообщение газеты не есть документ. Ну, а заявление самого помощника главы английской миссии в Греции будет документом? А такой документ имеется. Он опубликован в газете «Врадини» от 6 августа этого года в качестве заявления помощника главы военной миссии в Греции. Одновременно был помещён и снимок этого офицера, наблюдавшего за проведением карательной экспедиции.

Уже накануне самого плебисцита министр внутренних дел Спирос Теотокис оповестил 31 августа мир о том, что он одержал на севере Греции крупную предвыборную победу, уничтожив около двухсот республиканцев, введя против них пехоту и артиллерию.

Известно, что только в воскресенье 1 сентября, в день проведения так называемого плебисцита, было убито, по официальным данным, 250 человек.

Если покровители нынешнего греческого правительства удовлетворены этим и считают, что эти способы проведения плебисцита нормальны, — это их дело. Но мировое общественное мнение не может не считать, что проведение такими методами плебисцита компрометирует самую идею народного плебисцита и является

грубым нарушением основных принципов демократии. Такие плебисциты проводились раньше, до войны, некоторыми реакционными правительствами и оставили по себе, как известно, печальную память. Но в результате победы Объединённых наций мы избавились от этих режимов и от этой практики. И никто сегодня не имеет никаких оправданий для того, чтобы воскрешать эти осуждённые народами приёмы. Не за это воевали народы, не за то, чтобы они вернулись к этим режимам и к практике подобных плебисцитов.

Можно ли говорить о свободном плебисците, когда в стране действуют специальные военные суды, положение о которых, принятое греческим парламентом 18 июля 1946 года, точно списано с тех специальных трибуналов, которые были созданы в Италии для борьбы против антифашистского движения. Всякий непредубеждённый человек понимает, что только власть, не опирающаяся на поддержку своего народа, вынуждена прибегать к принятию таких чрезвычайных мер, как создание специальных трибуналов. И как бы это ни казалось невероятным, но факт остаётся фактом, что эти специальные трибуналы судят не тех, кто в тяжёлые дни немецко-итальянской оккупации Греции сотрудничал с врагом, помогал ему установить своё господство над мужественным греческим народом, а тех, кто в эти дни либо участвовал в движении сопротивления, либо уходил в горы и вёл упорную борьбу с захватчиками греческой земли и помогал тем самым освободительной миссии союзных армий. Больше того, в этих специальных трибуналах, которые судят ныне людей сопротивления — греческих демократов, немало тех судей, которые исполняли те же функции при немецко-итальянских оккупантах и сами сотрудничали с этими последними, карая греческих патриотов, не мирившихся с закабалением иноземцами их страны. Можно привести только два факта, в которых, как в капле воды, в кристаллическом виде отражена подлинная суть существующего в Греции режима. 22 июля этого года в городе Эдессе приговорена к смертной казни и казнена учительница Ирэн Джини. Кто такая Ирэн Джини? Может быть, немецкая шпионка? Может быть, она, подобно Раллису, Чолакоглу, Логофетопулосу — всем трём бывшим премьерам квислинговских правительств во время немецкой оккупации, сотрудничала с этими последними? Нет, Ирэн Джини — одна из героинь сопротивления греческого народа. Она казнена, а Раллис, Чолакоглу, Логофетопулос — члены той же партии, что и нынешний премьер греческого правительства, — живы. Почти одновременно с казнью Ирэн Джини греческий суд освободил от всякой ответственности бывшего при немцах директором банка Турковасилиса, который писал в конце 1941 года фон Альтенбургу: «Я испытанный друг благородной немецкой нации. Меня выслали и поместили в тюрьму до прехода немецких войск в Афины из-за моих чувств к Германии и моего восхищения её несравненным фюрером Адольфом Гитлером».

Я обрываю это письмо, ибо шажу человеческое чувство безгловости. Ныне Ирэн Джини казнена, а Турковасилис стал депутатом греческого парламента. Или возьмите другой персонаж современной политической авансцены в Греции — Гонатаса. Гонатас ещё до уста-

новления нацистского режима в Германии был вдохновителем избиения евреев в Македонии. Во время оккупационного режима он был создателем батальонов службы безопасности, которые так же, как и милиция Лавала, боролись против патриотов, защищавших честь и достоинство своей страны.

Ирэн Джини казнена, а Гонатас стал вице-премьером греческого правительства. Этот список можно было бы увеличить во много раз. Люди, подобные Гонатасу и Турковасилису, сегодня — господа положения в Греции. Они готовили плебисцит 1 сентября 1946 года.

Люди 1 сентября ссылаются сейчас на благоприятный для них исход плебисцита. Но я позволю себе напомнить, что говорил депутат английского парламента Уорби в палате общин 20 июня этого года по поводу избирательных списков, составленных греческим правительством для всеобщих выборов и по которым 1 сентября происходил плебисцит. Эти списки господин Уорби назвал катастрофическими. Известно, что в Греции в 1936 году было занесено в избирательные списки 1 753 тысячи лиц. С тех пор произошла война, в Греции во время оккупации был голод, унесший много людей. Известно, что во всех странах после войны число избирателей уменьшилось. Но в Греции произошло избирательное чудо: число избирателей увеличилось почти на полмиллиона человек. Уорби, на основании подсчётов, пришёл к твёрдому выводу, что за нынешним греческим правительством идёт не более 20 процентов населения. Известно, что требование демократических партий пересоставить списки было отклонено греческим правительством. Теперь мы знаем о плебисците 1 сентября ещё больше. Вся мировая печать отмечает, что голосование производилось при помощи таких прозрачных конвертов, которые фактически лишали голосование его тайного характера. В любой демократической стране это послужило бы поводом для отмены плебисцита, но в Греции даже прозрачные вещи, видимые всему миру, не волнуют нынешнее греческое правительство.

Пресса уже сообщала о том, что республиканские партии не признают этого плебисцита. Господин Софулис назвал, по сообщению корреспондента агентства Ассошиэтед Пресс, этот плебисцит «мошеничеством». Он добавил, что он даже ожидал, что за восстановление монархии будет подано ещё больше голосов «ввиду того террора, который проводился в Греции за последние несколько месяцев». Американская газета «П. М.» писала 3 сентября в передовой: «Министр внутренних дел Теотокис возглавлял всю кухню нынешнего референдума. Он имеет определённый опыт в этом деле. Он организовал плебисцит в 1935 году, который дал Георгу 97,5 процента голосов. Коллега Теотокиса сказал тогда королю: «Ваше величество, результаты в действительности являются фальшивыми. Действительный процент достигает только 25 процентов. Тем не менее мы желаем вашего возвращения».

Говорят, вопрос о плебисците есть внутреннее дело самого греческого народа. Это верно, но при условии, чтобы никто извне не вмешивался во внутренние дела. Между тем итоги нынешнего

плебисцита есть результат длительного вмешательства английских властей во внутренние дела Греции. Вмешательством было введение английских войск на территорию Греции. Вмешательством было участие этих войск во внутренней борьбе на стороне монархических элементов против республиканских и демократических сил Греции. Вмешательством было заключённое под давлением английского правительства знаменитое соглашение в Варкизе, разоружившее войска ЭЛАС перед вооружёнными частями агрессивных монархических элементов. Вмешательством было давление английских властей на греческое правительство в вопросе, о котором публично говорил господин Софулис, о проведении выборов 31 марта 1946 года. Вмешательством было участие английских офицеров в проведении карательных экспедиций греческим правительством. Вмешательством был контроль английских властей над греческой экономикой. Известно, например, что Греция не вправе самостоятельно делать эмиссий и производить расходы греческой валюты, известно, что своим золотым запасом и валютным фондом Греция не распоряжается.

Господа, параграф 7 статьи 2 устава Объединённых наций исключает право других государств вмешиваться во внутреннюю жизнь чужой страны. Но в таком случае эта статья и этот параграф направлены против английских властей, нарушивших эту статью. Акция Совета безопасности в данном случае это не есть вмешательство во внутренние дела Греции, а обязанность Совета безопасности помешать вмешательству чужеземного государства во внутренние дела другой страны, создать такие условия в соответствии с параграфом 7 статьи 2 устава Объединённых наций, которые гарантировали бы, что плебисцит будет внутренним делом только греческого народа.

Вопрос о плебисците перестаёт быть только внутренним делом Греции с того момента, когда нынешнее греческое правительство делает этот плебисцит орудием дальнейшей подготовки осуществления своих агрессивных планов в отношении других народов. Фальсифицированные выборы 31 марта нужны были агрессивным монархическим элементам, чтобы, развязав ещё большую волну террора, подготовить фальсифицированный плебисцит и перейти в наступление против соседних государств.

Уже сегодня греческое правительство требует расчленения Албании, заявляя свои претензии на то, чтобы одна треть албанской территории отошла к Греции. Уже сегодня, вопреки решению Совета четырёх министров, греческое правительство хочет захватить передаваемый Албании остров Сасено.

Какой иной политический смысл, как не подготовку военных операций против Албании, имеет неустанно повторяемое греческим правительством утверждение, что Греция находится в состоянии войны с Албанией, хотя всему миру известно, что война закончена в 1945 году.

В свете этих фактов поистине зловещее значение приобретает рост пограничных инцидентов, провоцируемых греческими агрессивными элементами на греко-албанской границе, в особенности

с момента открытия в Париже Мирной конференции. Только за пять дней августа было почти столько же провокаций пограничных инцидентов, сколько их было за январь, февраль и март 1946 года. Так, 1 августа у горы Клинари группа греческих солдат напала на албанский патруль. 2 августа в районе деревни Видохово вооружённые греческие солдаты пытались, обстреливая албанские патрули, забрать хлеб, скошенный албанскими крестьянами.

3 августа греческие солдаты обстреляли в районе деревни Божеград албанских крестьян, работавших на полях.

4 августа греки обстреляли албанский патруль в районе Понгар, 5 августа — новое нападение на албанский патруль и т. д.

Кому нужны эти инциденты? Они нужны не Албании, которая не предъявляет никаких претензий на греческие территории. Они нужны провокаторам войны, претендующим на албанские территории для того, чтобы использовать эти инциденты как повод открыть военные действия против Албании.

И, видимо, эти провокации греческих агрессивных элементов становятся системой и на границах Греции с другими балканскими государствами. Так, например, 26 июня 1946 года два самолёта-разведчика перелетели с греческой границы на территорию Югославии и на бреющем полёте вели разведку границы от озера Дойран до заставы Дуба. То же самое повторилось в районе Белашица. 23 июля в районе Преспанского озера греки обстреляли югославскую пограничную заставу, в ночь на 24 июля в этом же районе греки открыли пулемётную стрельбу по югославской территории и т. д.

Эти факты, как и многие другие, которые могут быть приведены, свидетельствуют о том, что нынешнее греческое правительство, покровительствующее агрессивным монархическим элементам, представляет подлинную угрозу миру на Балканах. Оно своими действиями пытается взорвать важнейшее достижение нашей общей победы — установление добрососедских отношений и сотрудничества балканских народов в деле упрочения мира и безопасности. Совет безопасности не может пройти мимо этой угрозы. И позвольте выразить уверенность, что он найдёт средства и пути для того, чтобы предотвратить развитие событий, которые могут нарушить мир и безопасность на Балканах и повлечь международные осложнения.

Я подхожу к концу. Нам говорили здесь о том, что заявление правительства Украинской ССР от 24 августа преследует якобы цель пропаганды. Но этот аргумент мы слышим не впервые. Когда до войны 1939—1945 годов Советский Союз отстаивал идею коллективной безопасности, находились недальновидные люди, которые утверждали, что это также советская пропаганда. Когда Советский Союз требовал не раз до войны 1939—1945 годов более активной политики в отношении будущих агрессоров, те же люди обвиняли советское правительство в том, что Советский Союз преследует цели антифашистской пропаганды. Когда господин Чемберлен вернулся из Мюнхена и на аэродроме заявил, что он спас мир на несколько поколений, и когда здравомыслящие люди критиковали его за это, их тоже обвиняли в том, что они имеют затаённые пропагандистские расчёты. Миллионы матерей, потерявшие своих сыновей в войне

1939—1945 годов, знают лучше, чем кое-кто из сидящих в этом зале, на чьей стороне была правда.

Несмотря на все препятствия, которые будут ставить нам, советским людям, мы неустанно будем, как этому нас учит наш великий вождь Генералиссимус Сталин, защищать дело мира между народами. И с тем большим основанием, что украинский народ знает на своём многострадальном опыте, что такое война и какие бедствия она приносит народам. Украина за 30 лет четыре раза подвергалась иноземным вторжениям. В 1914 году на Балканах был зажжён факел войны, в результате которой наша страна пережила вторжение немецко-австрийских войск. В 1918—1919 годах на неё обрушилась интервенция, в которой принимали участие и греческие войска. В 1920 году правительство Пилсудского, следуя указаниям извне, развязало войну, которая дорого обошлась украинскому и польскому народам. Наконец, в 1941 году гитлеровские полчища, выросшие из фашистских организаций и отрядов, которым во-время не было дано отпора и которых во-время не обуздали, затопили Украину, нанося неисчислимые жертвы, людские и материальные, нашему народу. И это не только даёт нам право, но и обязывает сигнализировать Совету безопасности такие ситуации, которые предусмотрены статьёй 34 устава Объединённых наций и которые чреваты военными конфликтами и международными осложнениями. Мы не сомневаемся в том, что демократическое мировое общественное мнение поддержит точку зрения правительства Украинской ССР в этом важном и серьёзном вопросе.

(ТАСС)

«Известия» № 210 (9126)
от 6 сентября 1946 г.

ВЫСТУПЛЕНИЕ Д. З. МАНУИЛЬСКОГО НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ ПРИ ОБСУЖДЕНИИ ГРЕЧЕСКОГО ВОПРОСА

(10 сентября)

Совет безопасности заслушал два выступления греческого делегата, выступления представителя Великобритании, представителя Соединённых Штатов и представителя Австралии. О выступлении представителя Австралии украинская делегация хочет сделать краткое замечание, чтобы не возвращаться к этому выступлению. Представитель Австралии счёл для себя уместным прочесть в грубоватой, но малоубедительной форме лекцию украинской делегации об обязанностях члена Объединённых наций. В таких нескромных поучениях делегация правительства УССР не нуждается. Могут быть разные представления об обязанностях государств — членов Объединённых наций. Если, например, в уставе Объединённых наций записано, что задачей Объединённых наций является поощрение и

развитие «уважения к правам человека и основным свободам для всех без различия расы, пола, языка и религии» а в Греции или Индонезии нарушаются эти права или в Южной Африке проводятся дискриминационные расовые законы против индусов, то долг члена Объединённых наций сигнализировать о таких нарушениях, требовать соблюдения устава, принятого 51 нацией. Так украинская делегация понимает свои обязанности перед организацией Объединённых наций, членом которой состоит УССР. Но в старой Лиге наций было другое понимание роли членов этой организации. Были такие представители, которые закрывали глаза на военную опасность; доказывали, что нападение Японии на Китай — это местный инцидент; мятеж реакционеров, организованный фашистскими Германией и Италией в Испании, — это внутреннее дело Испании; расчленение Чехословакии — это средство к сохранению мира на Западе и предусмотрительное направление немецкой агрессии на Восток. К каким результатам привело такое понимание обязанностей государств, входящих в Лигу наций, общеизвестно. И некоторое число представителей средних и малых государств не возражало против такой политики. Они понимали свои обязанности так, что они должны быть рупором какой-нибудь большой державы и по её указанию затушёвывать нарушения устава Лиги наций. К этому положению хочет организацию Объединённых наций повернуть австралийский делегат. Делегация правительства УССР твёрдо убеждена, что это ему не удастся, и больше к этому вопросу она считает лишним возвращаться.

Прежде чем перейти к возражениям говорившим здесь ораторам, следует отвести с самого начала упрёк представителя Соединённых Штатов в том, что делегация правительства УССР поставила на Совете безопасности вопрос о положении в Греции, не ведя никаких предварительных переговоров с заинтересованными правительствами. Делегация правительства УССР считает нужным напомнить господину Джонсону, что такие предварительные переговоры велись правительством СССР. Так, 21 июля 1945 года правительство СССР представило совещанию трёх глав правительств в Берлине меморандум, в котором положение в Греции характеризовалось как положение, при котором нет должного порядка, не уважают законы, при котором свирепствует террор, направленный против демократических элементов.

В сентябре 1945 года советским правительством был представлен 1-й сессии Совета министров иностранных дел в Лондоне второй меморандум по тому же вопросу, во вводной части которого говорилось следующее: «Сообщения, поступившие из Греции, свидетельствуют о том, что внутриполитическое положение страны продолжает оставаться чрезвычайно напряжённым, чреватым тяжёлыми последствиями как для греческого народа, так и для мира и безопасности соседних с Грецией стран». Наконец, вопрос о пребывании английских войск в Греции поднимался на совещании трёх министров в Москве в декабре 1945 года.

Но все эти переговоры не дали никаких результатов. Не дало никаких результатов и обсуждение греческого вопроса на сессии

Совета безопасности в феврале 1946 года. Все эти факты известны правительству УССР и создали у него твёрдое убеждение, что предварительные переговоры, в силу позиции, занятой заинтересованными в греческом вопросе правительствами, ничего не дадут. Как же можно упрекать после этого делегацию правительства УССР в том, в чём она неповинна?

Совет безопасности на заседании от 5 сентября заслушал длинную речь греческого делегата, заготовленную, видимо, заранее и поэтому не дающую ответа на те факты, документы и заявления греческих политических деятелей, которые приводились представителем украинской делегации в его выступлениях от 4 сентября. Ещё меньше сделал это представитель Великобритании, который вообще обошёл всю фактическую сторону украинского заявления и ограничился общими декларациями. Но факты, господа,— упрямая вещь. С ними нельзя, даже если они неприятны, обходиться так, как первобытный идолопоклонник обходился с изображением идола, рассердившего его,— швырять его в сторону. На факты и аргументы надо отвечать. Если представитель УССР сошлётся, например, в своей защите мужественного албанского народа на высокую оценку албанских вооружённых сил, помогавших союзным армиям в деле борьбы с общим врагом, оценку, данную крупнейшими государственными и военными деятелями союзных стран, то никто не имеет права отмахиваться или отмалчиваться от этого факта. А такую оценку дал 10 октября 1942 года тогдашний государственный секретарь Соединённых Штатов г-н Хэлл, 12 ноября 1944 года — командующий союзными силами в районе Средиземного моря Мейтлэнд Вильсон, 5 августа 1944 года — командующий воздушными силами на Балканах вице-маршал Уильям Эллиот, 22 мая 1945 года — бывший государственный секретарь г-н Стеттиниус; такую же оценку давал бывший министр иностранных дел Великобритании г-н Иден; наконец, высоко оценивали вклад албанского народа в общее дело союзников советское правительство и советское командование. Представитель Великобритании, голосовавший против приёма Албании в организацию Объединённых наций, не может обойти молчанием вопрос о том, кому он больше верит, перечисленным государственным и военным деятелям или г-ну Дендрамису, утверждавшему здесь, что Албания — это гнездо агрессоров, которые должны ответить за все разрушения, произведённые итальянцами в Греции. Спрашивается, эти телеграммы, копии которых имеются в портфелях украинской делегации, являются документами первостепенного значения или нет? Или документом являются голословные утверждения греческого делегата, подкреплённые представленной картой, правдивости которой никто не проверял и для составления которой требуется три цветных карандаша и разграфлённый лист бумаги?

Или возьмём другой пример — заявление бывшего министра г-на Кафандариса. Г-н Кафандарис — человек умеренных взглядов. 15 августа 1946 года он сделал заявление следующего характера: «Действительно ли мы идём к плебисциту, т. е. к выражению народной воли, или к повторению инсценировки 1935 года по установленному заранее плану, т. е. к простому провозглашению 1 сентября приго-

товленного заранее результата без какого-либо действительного участия народа? К сожалению, ход событий подтверждает эти опасения.

В действительности, как можно говорить о выражении народной воли, основанной на равноправии для обеих сторон, если избирательные списки являются ложными, по мнению всего народа, и всякое высказывание против короля поведёт к аресту, когда вследствие принятия закона о чрезвычайных мерах вся страна очищена от всяких элементов, которые не являются действительными монархистами, в результате арестов, заключения в тюрьмы, изгнания и т. д., когда монархистские банды действуют в свободном союзе с властями, когда... Можно было бы, увы, умножить до бесконечности оргии, совершённые агентами и бандами правительства, которым удалось окончательно уничтожить в стране всякий порядок и создать благоприятные условия для проведения того, что называется «плебисцитом».

Спрашивается, заслуживает ли доверия такого рода заявление или г-н Кафандарис для того, чтобы его заявление нашло поддержку здесь, должен представить справку от господина Дендрамиса о том, что он, Кафандарис, голосовал в прозрачном конверте за восстановление монархии в Греции? Можно бы заранее выразить благодарность тому, кто постарался бы аргументированно доказать, что Совет безопасности и общественное мнение должны больше верить не г-ну Кафандарису, а Дендрамису, утверждающему здесь, что в Греции существует такая идеальная конституционная система, где большинство управляет, а меньшинство контролирует. Однако позволительно будет спросить, какое место в этой конституционной системе занимают 500 монархических банд, которые здесь называл представитель Советского Союза, и в частности банда Сурласа, фотографический снимок которой был представлен украинской делегацией Совету безопасности. Этого греческий делегат не объяснил и не сможет объяснить, потому что наличие таких вооружённых банд является свидетельством того, что при помощи таких банд меньшинство хочет навязать свою волю большинству. Известно, что крайние реакционеры прежде, чем захватить власть в Италии или в Германии, создавали подобные нерегулярные банды, задача которых состояла в том, чтобы устранить наиболее активные демократические элементы, закрыть доступ демократическим партиям к политической жизни и установить господство реакционной клики над подавляющим большинством народа. И эти факты, подкреплённые уроками истории, более убедительны, чем декларативные заявления греческого делегата о существующей якобы в Греции конституционной системе. Как примирить с этой конституционной системой такую дикущую инструкцию, какую издал, например, префект Пелла в Центральной Македонии, в которой говорилось: «Я буду оценивать головы тех, кто оставил дома, я сошлю всех их родственников до четвёртого поколения так же, как и членов всех подозрительных организаций, я лишу их поставок ЮНРРА, отберу их фермы и приму все другие возможные меры против них». Украинская делегация может указать дату опубликования этой инструкции, газеты, которые

воспроизвели её, но представитель Великобритании найдёт, что это неубедительно. Он вообще всё отрицает, отрицает даже всем известные факты. Если бы украинскому делегату пришлось говорить об известном всему миру мессинском землетрясении, то делегат Великобритании, наверное, сказал бы, что это известно всему миру, но ему это неизвестно. «Но об этом писалось в английских газетах», — сказали бы мы. «Мало ли что писалось, — сказал бы г-н Кадоган. — У нас пресса свободна и может даже писать о мессинском землетрясении». «Но если она так свободна, то ей надо верить», — возразили бы мы. «Нет, именно потому, что она свободна, она может извращать факты. Я поверю украинскому представителю только в том случае, если он представит свидетельские показания жертв, погибших во время мессинского землетрясения». Такой способ отрицания фактов, может быть, кое-кто и считает верхом дипломатического искусства, но обычные люди называют такой способ иначе.

Как примирить далее с этой идиллической конституционной системой тот факт, что банды греческого Михайловича, нынешнего депутата греческого монархического парламента Зерваса, в июле 1944 года в районе Парамиткас-Фанариона вырезали 500 албанцев, а в августе — ещё 700, изнасиловали 300 женщин, сожгли дома, ограбили имущество и угнали скот албанцев. Это тот самый Зервас, который дал приказ своим частям прекратить сопротивление оккупантам, а 10 октября 1943 года перешёл в наступление вместе с немцами против войск ЭЛАС и с тех пор открыто сотрудничал с немцами. Нельзя ждать разумного разъяснения противоречий этой, по меньшей мере, странной «конституционной системы» от людей, которые сами повинны за действия Зерваса на территории Греции.

Утверждение греческого делегата о том, что большинство управляет, а меньшинство контролирует, по своей неправдоподобности может конкурировать только с другим его заявлением о том, что греческие профсоюзы были распущены по просьбе самих рабочих. После такого объяснения роспуска греческих профсоюзов никто не удивится, если греческий делегат нам объяснит, что в Центральной Македонии рубили головы, отбирали фермы и лишали людей продовольствия ЮНРРА и в районе Парамиткас-Фанариона резали албанцев потому, что об этом просили сами македонцы и албанцы. Такого рода издевательские объяснения роспуска профсоюзов оскорбительны для Совета безопасности. Они свидетельствуют о том, что греческие крайние монархисты настолько распоясались, что они думают, что, какую бы абсурдную вещь они ни утверждали, здесь им всё равно поверят. Тщетно, господа, вы будете требовать документы для подтверждения фантастического заявления греческого делегата. Таких документов нет, ибо рабочие организации этого вопроса не ставили, не обсуждали и решений не принимали. Они не могли принять подобное решение хотя бы потому, что греческие крайние монархисты навязывают рабочим в качестве руководителя некоего Пацатиса, человека с уголовным прошлым, выгнанного, как об этом свидетельствует сообщение, лежащее перед моими глазами, хозяевами фирмы Згурдас за воровство.

Вам известно, господа, имя старого деятеля рабочего движения, господина Леона Жуо. Он лично направился в Грецию, чтобы предупредить этот безрассудный шаг агрессивных греческих монархистов. Его переговоры с премьером Цалдарисом не привели ни к чему. Профсоюзы были распущены. Вот что заявил господин Жуо после своего возвращения во Францию: «Совершенно ясно, что греческое правительство действовало так, имея в виду сентябрьский плебисцит, целью которого являлось возвращение короля в Грецию. Все греческие роялисты и все фашисты желают возвращения короля, они хотят уничтожить всех тех, кто способен противостоять этому и разъяснить свою точку зрения общественному мнению Греции».

Греческий делегат, чувствуя шаткость своей позиции в оправдании действий крайних греческих монархистов, попытался сослаться на одну депутатку конгресса, фамилию которой я, к сожалению, забыл, и на господина Макнейла. Но была ли эта депутатка в Греции, изучала ли она так положение в ней, как три лейбористских депутата — господа Солли, Тиффани и Додд? Нет, положения в Греции она не обследовала, а в своих заключениях эта депутатка так же, как и господин Макнейл, выразила лишь свои политические настроения. Почему Совет безопасности должен верить Макнейлу, а не Солли, Тиффани и Додду? Почему голос одного Макнейла должен перетянуть на весах голоса многих депутатов и г-на Леона Жуо, побывавшего в Греции, и лидеров демократических партий, постоянно проживающих в Греции и знающих лучше, чем Макнейл, что творится в ней. Украинская делегация имеет доверие к представителям ЭАМ, сыгравшим решающую роль в героическом сопротивлении греческого народа оккупантам. Но есть заявления партий центра, умеренных и правых партий, таких людей, как Канелопулос, Венизелос, Софулис, Цудерос, Милонас, Пластирас. Почему голос одного греческого представителя крайних монархических групп должен иметь больше веса для Совета безопасности, чем голоса лидеров всех умеренных партий? Никакой человек со здравым смыслом не поймёт такого положения.

Греческий представитель пытался в своей речи переложить ответственность за действия агрессивных монархических элементов на коммунистов, которых он квалифицировал именем «убийц», «грабителей». Не бесполезно будет напомнить, что таким языком о коммунистах говорили только фашистские гангстеры в Германии до их разгрома в 1945 году. Нужно действительно потерять всякое чувство меры, чтобы теперь, после нашей победы над общим врагом, в которой коммунисты и в рядах армии, и в партизанских отрядах, и в движении сопротивления оккупантам показали себя передовыми и самоотверженными борцами за дело народа, повторить эту недопустимую гитлеровскую клевету. Пора покончить с легендой о коммунистах как маленькой кучке людей, не имеющих влияния в своём народе. Народные массы во всех странах проверяли коммунистов в грозных событиях войны и оказывают им своё доверие. Коммунисты собирают на выборах миллионы голосов, они участвуют во многих странах в правительстве и даже возглавляют его. Из европейских стран только в Испании, Португалии и Греции прово-

дится политика по отношению к коммунистам, скопированная с гитлеровской модели.

И если бы, господа, мы не имели никаких материалов, ничего не знали о политической физиономии агрессивных греческих монархистов, то одного заявления греческого представителя было бы достаточно, чтобы уяснить, с какого рода политической формацией мы имеем дело в Греции. После такого заявления станет понятно, почему французская Лига прав человека и гражданина, имеющая более чем полувековую историю борьбы за элементарные свободы, пишет в своём обращении к Мирной конференции в Париже о режиме в Греции: «Греция — мученица, пролившая кровь за дело демократии... Сейчас Греция страдает под диктатурой тех, кто был пособником оккупантов. Оружие, которое было отдано, согласно договору, бойцами сопротивления, сейчас повернуто против них». Украинский народ, сам подвергшийся немецко-фашистской оккупации, сам перенесший неимоверные страдания, сам боровшийся на фронте и в тылу против гитлеровских захватчиков, с глубоким уважением относится к Греции и греческому народу, к его патристическому фронту ЭАМ, к его героическим бойцам ЭЛАС, но украинский народ не отождествляет греческого народа с агрессивными монархическими элементами, которые, опираясь на иноземные штыки, сделали греческий народ первой жертвой их агрессивной политики против Албании. Греческий народ не заслужил своим мужественным участием в войне ни того обращения, ни того наказания, которым его подвергают.

Представитель Соединённых Штатов ссылаясь на то, что иностранные наблюдатели опубликовали специальное заключение, в котором отмечали, что выборы 31 марта прошли в нормальной обстановке. И он при этом обвинил Советский Союз в том, что он отказался послать своих наблюдателей в Грецию. Но спрашивается: если обстановка была столь нормальна на выборах, зачем нужно было посылать иностранных наблюдателей? Зачем понадобились эти иностранные опекуны над греческим народом?

Известно из гражданского права, что опекунов назначают над лицами неправомочными, малолетними и слабоумными. Греческий народ заслужил наше признание, и он не нуждался и не нуждается в унижительной для него форме иностранной опеки. Советское правительство отказалось участвовать в посылке своих наблюдателей именно потому, что оно считало установление такой иностранной опеки над Грецией, к тому же при наличии великобританских войск, вмешательством во внутренние дела Греции. Может быть, греческий делегат считает такое положение обычным, но мы, люди Советской страны, считаем его оскорбительным для достоинства Греции и греческого народа.

Здесь представитель Великобритании да и кое-кто из представителей других стран разрешили себе говорить о том, что представитель Украинской ССР в своём выступлении преследовал цели пропаганды. Украинская делегация приводила факты, цитировала документы, выдвигала аргументы, а люди, у которых нет ни аргументов, ни фактов, упорно продолжают повторять: «Это — пропа-

ганда». Такого рода необоснованные утверждения возвращают нас к тому довоенному времени, когда было немало охотников организовывать против советских социалистических республик крестовые походы, когда лорд Керзон посылал свои ультиматумы, когда на нюрнбергских парадах произносились истерические речи о грозящей миру советской пропаганде. В свете пережитого опыта мы ныне знаем, что за всей этой шумихой о пропаганде скрывалась подготовка агрессорами войны. Мы знаем, что свои неудачи фашистские и полуфашистские правительства того времени сваливали на пропаганду Советского Союза. Ещё в 1930 году Генералиссимус Сталин предупреждал, что вся болтовня о советской пропаганде — это предлог для интервенционистской пропаганды, что всякое обанкротившееся правительство норовило оправдать свою слабость или неспособность ссылкой на советскую пропаганду. Это может показаться мало правдоподобным, но это факт, что тени Мюнхена поднимаются вновь, точно не было величайшей войны, в которой республики Советского Союза, и в том числе Украинская ССР, принесли такие огромные жертвы. «В результате немецкого вторжения, — говорил Генералиссимус Сталин, — Советский Союз безвозвратно потерял в боях с немцами, а также благодаря немецкой оккупации и угону советских людей на немецкую каторгу — около семи миллионов человек. Иначе говоря, Советский Союз потерял людьми в несколько раз больше, чем Англия и Соединённые Штаты Америки, вместе взятые. Возможно, что кое-где склонны предать забвению эти колоссальные жертвы советского народа, обеспечившие освобождение Европы от гитлеровского ига. Но Советский Союз не может забыть о них».

Мы имеем разногласия в среде Объединённых наций по ряду вопросов, но мы имели одно крупное достижение, завоёванное в процессе войны против общего врага, — это сотрудничество великих держав как основную гарантию мира. И тот, кто ныне вытаскивает вновь изъеденный молью жупел так называемой советской пропаганды, тот работает не в пользу сотрудничества Объединённых наций, а в пользу срыва этого сотрудничества. Мы отмечаем этот факт с тем большим удивлением, что как раз в тех государствах, представители которых упрекают украинскую делегацию в пропаганде, ведётся ничем не сдерживаемая антисоветская пропаганда, основанная на самых фантастических измышлениях.

Можно было бы привести десятки примеров такой необоснованной антисоветской пропаганды. Советские республики, например, хотят иметь на своих границах не враждебные, а дружественно настроенные к ним соседние государства — желание законное и понятное для всякого миролюбивого государства. Но пропагандисты войны шумят, что это экспансионистская политика Советского Союза. Советские республики стремятся установить деловое сотрудничество со всеми Объединёнными нациями на основе взаимопонимания интересов каждой стороны и аргументированного обмена мнений между представителями разных государств, а в это время против Советского Союза организуют голосующую стену, и пропагандисты войны шумят о том, что советские республики не хотят сотрудничать с другими Объединёнными нациями. Государства

Восточной Европы, освободившиеся из-под гитлеровского ига, доби-ваются того, чтобы они как суверенные государства сами опреде-ляли свою экономическую политику, сами решали свои внутренние и внешние дела, и это их законное право, а пропагандисты войны шумят по поводу того, что эти государства хотят отгородиться от других государств железной завесой — словечко, кстати, впервые пущенное в оборот Геббельсом. Делегация Советского Союза защи-щает пункт за пунктом проекты пяти мирных договоров, подготов-ленных Советом четырёх министров, давая пример верности взятым обязательствам и данному слову, в то время как австралийская делегация предлагает десятки поправок, вынуждающих Мирную конференцию начать всю работу сначала. Антисоветские пропаган-дисты берут под защиту австралийскую делегацию и шумят по поводу того, что делегация Советского Союза затягивает Мирную конференцию. В силу этих соображений делегация правительства Украинской ССР самым решительным образом отвергает приписы-ваемое ей смехотворное намерение пропагандировать членов Совета безопасности. Она видит в подобных упреках просто попытку её оппонентов свалить с больной головы на здоровую, оправдать их пропаганду и увести нас в сторону от существа обсуждаемого вопроса.

А существо вопроса состоит в следующем: агрессивная политика крайних греческих монархистов, о которой здесь достаточно гово-рилось, давно перестала быть внутренним вопросом Греции. Грече-ские крайние монархисты, считая, что фальсифицированным плебис-цитом они создали себе видимость конституционной основы внутри страны, переходят теперь к агрессивным действиям в отношении других государств и в первую очередь Албании, по поводу угрозы которой со стороны Греции делегация правительства Украинской ССР и обратилась в Совет безопасности 24 августа с. г.

Среди других документов, характеризующих агрессивную поли-тику крайних монархических элементов в Греции, делегация прави-тельства Украинской ССР представила Совету безопасности мате-риалы о пограничных конфликтах на греко-албанской границе, из которых явствует, что агрессивные монархические элементы в Гре-ции сознательно провоцируют эти пограничные инциденты, чтобы использовать их как повод для нападения на Албанию.

Вопрос об угрозе, создавшейся на греко-албанской границе, и стоит сегодня в порядке дня Совета безопасности, а не поднятые здесь греческим представителем вопросы о взаимоотношениях Гре-ции с Болгарией или Югославией, которые подлежат компетенции Парижской мирной конференции.

Помимо материалов, представленных делегацией правительства Украинской ССР Совету безопасности, можно привести заявление греческих солдат, участвовавших в налётах на албанскую террито-рию и повествующих о том, как готовились и организовывались эти налёты греческими властями и на греческой территории. Вот, на-пример, показание солдата греческой армии Георгиос Готасис, уча-ствовавшего в своё время в банде Зерваса:

«После службы у Зерваса,— пишет этот солдат, взятый в плен близ албанской деревни Радати,— я вступил в 581-й батальон и попал на албано-греческую границу. Пропаганда, которой нас кормили здесь, была направлена против албанцев... Приказы наших командиров были следующие: не оставлять в покое ни на час албанцев. Каждый день необходимо было находить причину для провокаций против албанцев». И затем следует рассказ о том, как 5 и 6 июня 1946 года этот солдат участвовал с греческой ротой в налётах на албанскую территорию.

Говорят о том, что Греция находится в состоянии войны с Албанией. Кто говорит это? Этого не говорят демократические партии в Греции. Этого не говорил Совет четырёх министров, подготовлявший Мирную конференцию. Этого тезиса не поддерживает Парижская мирная конференция. Его усиленно пропагандируют греческие агрессивные монархические круги. Они заинтересованы в том, чтобы создать соответствующую военную атмосферу для осуществления своих захватнических планов в отношении Албании. История учит тому, что государства, претендующие на чужие территории, всегда выступают инициаторами пограничных инцидентов и крикливой военной шумихи, а государства, обороняющие целостность своей территории, прилагают все усилия к тому, чтобы не дать провокаторам войны никакого повода для осуществления агрессивных планов этих последних. Гитлер обвинял в 1938—1939 годах правительство Чехословакии в том, что оно устраивает в Судетах пограничные инциденты, но весь мир знал, что не Чехословакия, а гитлеровцы провоцируют эти инциденты. Не Народная Монгольская Республика устраивала провокации у Халхин-Гола, а японская военщина, залившаяся на территорию Монгольской Народной Республики.

Можно было бы умножить эти примеры, но и приведённых достаточно, чтобы убедить всякого беспристрастного человека в том, где в данном случае находятся агрессоры, а где люди, обороняющиеся от агрессии. На основании изложенных мотивов делегация правительства Украинской ССР просит Совет безопасности принять незамедлительные меры, чтобы положить конец ситуации, сложившейся на греко-албанской границе, как угрожающей миру и безопасности и подпадающей в силу этого под действия статей 34 и 35 устава Объединённых наций.

(ТАСС)

ПРОЕКТ РЕЗОЛЮЦИИ,
ВНЕСЕННЫЙ А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
В СВЯЗИ С ЗАЯВЛЕНИЕМ УКРАИНСКОЙ ССР О ТОМ,
ЧТО ПОЛИТИКА ГРЕЧЕСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА
УГРОЖАЕТ МЕЖДУНАРОДНОМУ МИРУ И БЕЗОПАСНОСТИ

(16 сентября)

«Совет безопасности устанавливает:

что за последнее время на греко-албанской границе всё больше учащаются случаи пограничных инцидентов, провоцируемых греческими агрессивными монархическими элементами, стремящимися таким путём вызвать вооружённый конфликт между Грецией и Албанией с целью отторжения Южной Албании в пользу Греции;

что преследование греческим правительством национальных меньшинств в Греции, разжигающее национальную рознь, обостряет отношения Греции с другими соседними с ней народами;

что необузданная пропаганда греческих агрессивных монархических элементов, требующих аннексии территорий, принадлежащих этим народам, грозит осложнить положение на Балканах, где впервые в итоге победы, одержанной вооружёнными силами Объединённых наций, создана основа для демократического развития Балканских стран, для их тесного сотрудничества в деле установления прочного и длительного мира;

что в своей захватнической политике греческие агрессивные монархические элементы стремятся использовать итоги фальсифицированного плебисцита, проведённого 1 сентября в условиях террора и отстранения от политической жизни всех демократических партий разных направлений, равно как и пребывание английских войск на территории Греции, которые, несмотря на неоднократные заявления министра иностранных дел Великобритании о том, что эти войска будут выведены после выборов 31 марта 1946 года, продолжают оставаться и поныне на территории Греции;

что все эти обстоятельства создают ситуацию, предусмотренную статьёй 34 устава Объединённых наций, и угрожают миру и безопасности.

В силу изложенных мотивов Совет безопасности постановляет обязать греческое правительство: во-первых, принять меры в соответствии с параграфом 4 статьи 2 устава Объединённых наций к немедленной ликвидации провокационных действий агрессивных монархических элементов на греко-албанской границе; во-вторых, обязать греческое правительство прекратить агитацию о якобы имеющемся между Грецией и Албанией состоянии войны, несмотря на то, что Албания стремится установить с Грецией нормальные мирные отношения; в-третьих, прекратить преследование национальных меньшинств в Греции как противоречащее параграфам 2-му и 3-му статьи 1-й устава Объединённых наций, в-четвёртых, оставить

в порядке дня Совета безопасности вопрос об угрожающей ситуации, сложившейся в результате действий греческого правительства, до тех пор, пока оно не выполнит предложенных ему Советом безопасности рекомендаций».

«Известия» № 220 (9133)
от 18 сентября 1946 г.

**ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО
НА ЗАСЕДАНИИ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ
ПО ВОПРОСУ О ПРЕБЫВАНИИ ВОЙСК
ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ
НА ТЕРРИТОРИЯХ РЯДА НЕВРАЖЕСКИХ ГОСУДАРСТВ
(23 сентября)**

«В заявлении, которое я сделал по поручению советского правительства на заседании Совета безопасности 29 августа с. г., поставлен очень важный вопрос. В этом заявлении я внёс предложение о том, чтобы Совет безопасности обязал государства, являющиеся членами организации Объединённых наций, представить в Совет безопасности в двухнедельный срок следующие сведения:

1) В каких пунктах территорий Объединённых наций или иных государств, за исключением бывших вражеских территорий, и в каком количестве расположены вооружённые силы других членов Объединённых наций.

2) В каких пунктах на указанных выше территориях расположены авиационные и морские базы и состав их гарнизонов, принадлежащих к вооружённым силам других государств — членов организации Объединённых наций».

Громыко напомнил, что во время войны против гитлеровской Германии и милитаристической Японии пребывание войск союзных держав на территориях стран Объединённых наций и некоторых государств, не принимавших участия в войне, оправдывалось военной необходимостью. Однако после окончания войны пребывание этих войск на территориях стран Объединённых наций и других государств, не относящихся к бывшим вражеским государствам, уже не вызывается военной необходимостью. Между тем, по имеющимся сведениям, на территориях ряда государств всё ещё продолжают оставаться войска союзных держав. Это, естественно, не может не порождать беспокойства у народов тех из указанных стран, на территории которых продолжают находиться иностранные войска.

«Пребывание иностранных войск на территориях этих стран,—

сказал Громыко, — ведёт к осложнению как международного, так и внутреннего порядка в этих странах, так как иностранные войска часто вмешиваются во внутренние дела этих государств и поддерживают там антидемократические силы». В качестве примера Громыко указал на Китай.

«Говоря о пребывании американских войск в Китае, — сказал Громыко, — необходимо напомнить Совету безопасности о том, что этот вопрос уже являлся предметом обсуждения на совещании представителей союзных держав. В сообщении о Московском совещании министров иностранных дел Советского Союза, Соединённых Штатов и Соединённого Королевства, опубликованном 28 декабря 1945 года, говорится о том, что:

«Г-н Бирнс указал, что американские вооружённые силы находятся в Северном Китае по просьбе Китайского Правительства, и сослался также на то, что Соединённые Штаты несут главную ответственность за выполнение условий капитуляции в том, что касается разоружения и вывода японских войск. Он заявил, что американские вооружённые силы будут удалены так скоро, как только эти обязанности будут выполнены, или тогда, когда Китайское Правительство будет в состоянии выполнять эти обязанности без помощи американских вооружённых сил».

Это было подтверждено и президентом Трумэнном 30 декабря 1945 года в его заявлении на пресс-конференции. Как обстоит дело сейчас? Официальное бюро связи при теперешнем японском правительстве опубликовало 19 августа с. г. в газете «Майници симбун» сообщение, из которого видно, что на конец июня с. г. репатриация японцев, находящихся в Китае, была почти закончена. Во всём Китае, не включая Маньчжурию, перепатрированных японцев оставалось, согласно этому сообщению, только 41 760 человек. В мировой печати, в том числе и американской, было опубликовано немало сообщений, показывающих, во что вылилось продолжающееся пребывание американских войск в Китае. Оно вылилось, согласно этим сообщениям, в оказание активной поддержки одной из двух борющихся в Китае сторон и во вмешательство во внутренние дела Китая.

Факт неоправдываемого в настоящих условиях пребывания американских войск в Китае и их вмешательство во внутренние дела Китая вызвали волну протеста. Протестуют самые различные слои китайской общественности». Приведя ряд таких протестов, Громыко сказал:

«Ко всем этим голосам следует прислушаться. Игнорировать их невозможно. Они затрагивают вопрос, который касается не только Китая и Соединённых Штатов».

Далее Громыко заявил, что немало протестов вызвало пребывание американских войск в Исландии.

«Сомнительно, — сказал он, — чтобы народ Исландии был удовлетворён последним предложением Соединённых Штатов, изложенным в американской ноте Исландии от 19 сентября. Во всяком случае до сих пор Исландия не изъявила готовности пожертвовать своим суверенитетом и своей независимостью в результате иностранного давления».

Далее Громыко напомнил, что в некоторых странах Западного полушария, например, в Панаме, Бразилии и других, несмотря на окончание войны, всё ещё продолжают пребывать иностранные войска и сохраняются созданные там ранее военные базы.

«Естественно,— сказал он,— что это не может не вызвать беспокойства в этих странах. Например, 1 сентября агентство Юнайтед Пресс передало сообщение из Панамы о ноте министра иностранных дел Панамы Рикардо Альфаро, направленной послу Соединённых Штатов в Панаме, в которой поставлен вопрос об иностранных войсках и базах на территории Панамы.

Согласно сообщениям, поступающим из Бразилии, продолжающееся пребывание там американских войск начинает тревожить всё более широкие круги бразильского народа, и ряд профсоюзных лидеров в начале апреля с. г. выступил с требованием вывода вооружённых сил Соединённых Штатов и ликвидации их военно-воздушных баз в Бразилии. Внимание мировой общественности неоднократно приковывалось к присутствию британских войск в Греции и их вмешательству во внутренние дела Греции. Этот вопрос уже был предметом рассмотрения Советом безопасности.

Вопрос о выводе британских войск из Египта приковывает внимание мирового общественного мнения уже на протяжении значительного периода времени».

Вывода британских войск из Египта требует египетский народ. В печати часто появляются сообщения о массовых демонстрациях в Египте, в которых принимают участие десятки тысяч населения, требующих вывода английских войск.

Указав, что Совет безопасности уже рассматривал по просьбе правительств Сирии и Ливана вопрос о пребывании иностранных войск на территории этих государств, Громыко привёл факты, которые характеризуют положение ещё одной страны — Ирака,— на территории которой находятся британские войска.

«Я думаю,— продолжал Громыко,— что членам Совета безопасности известны заявления и высказывания политических деятелей, общественных организаций и органов печати Ирана, свидетельствующие о тревоге, вызванной в Иране в связи с пребыванием и увеличением численности английских войск на территории Ирака в Басре, ибо это передвижение не может не рассматриваться как угроза независимости Ирана».

Говоря о положении в Индонезии, Громыко сказал, что с тех пор, как этот вопрос был рассмотрен в Совете безопасности, когда были вскрыты факты недопустимого и ничем не оправдываемого использования японских войск против мирного населения Индонезии, положение в этой стране не изменилось. Поступающие из Индонезии сообщения свидетельствуют о том, что напряжённость положения в этой части земного шара ничуть не ослабела и что там ещё идут бои, влекущие за собой значительные человеческие жертвы.

«Можно было бы,— сказал Громыко,— приведённые примеры дополнить другими как по упомянутым странам, также и по многим другим странам и территориям.

Приведённые мною факты показывают, какую тревогу проявляют народы тех стран из Объединённых наций, а также некоторых из стран, не принимавших участия в войне, на территориях которых всё ещё находятся войска союзных держав. Развивающиеся в этих странах события подтверждают, что дальнейшее пребывание союзных войск на территориях указанных стран способно не только ещё больше обострить внутреннее положение этих стран, но может оказать ещё более серьёзное отрицательное влияние на международную обстановку.

Указав, что Совет безопасности не может уклониться от рассмотрения вопроса, поднятого в советском заявлении, Громыко выразил надежду, что Совет безопасности рассмотрит этот вопрос со всей серьёзностью и примет предложение, содержащееся в этом заявлении.

«В советском заявлении,— сказал Громыко,— поднят, таким образом, вопрос о ситуации, которая может привести к серьёзным международным трениям, притом о ситуации, сложившейся не в какой-либо одной стране, а о ситуации, сложившейся в ряде стран и, следовательно, имеющей тем более широкое международное значение с точки зрения поддержания мира. Ситуация, вопрос о которой поднят в советском заявлении, подпадает полностью под определение статей 34 и 35 устава организации Объединённых наций. Предоставление предусмотренных советским предложением сведений о войсках — это часть общего вопроса об изучении положения, сложившегося в указанных выше странах в связи с продолжающимся там пребыванием иностранных войск после окончания войны. Следовательно, и с этой точки зрения поднятый советским правительством вопрос полностью подпадает под определение ситуации, предусмотренной вышеупомянутыми статьями 34 и 35 устава организации Объединённых наций».

Возражая представителям США и Великобритании, которые пытались доказать, что постановка этого вопроса в Совете безопасности несовместима с репутацией Совета безопасности и является пропагандой, Громыко сказал: «Можно повторять десять и сто раз эти изречения о пропаганде, эти трафаретные фразы. Но от этого позиция ни английского представителя, ни американского представителя не станет более благоприятной в глазах мирового общественного мнения».

«Репутация Совета может быть подорвана,— сказал в заключение Громыко,— если Совет безопасности окажется неспособным принять советские предложения. Вот где опасность лежит для репутации Совета безопасности, а не в рассмотрении советского заявления».

(ТАСС)

ПИСЬМО А. А. ГРОМЫКО
ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ ТРЮГВЕ ЛИ
ПО ВОПРОСУ О ВСЕОБЩЕМ РЕГУЛИРОВАНИИ
И СОКРАЩЕНИИ ВООРУЖЕНИЙ И ВООРУЖЁННЫХ СИЛ

(28 декабря)

Представитель СССР в Совете Безопасности А. Громыко направил Генеральному секретарю организации Объединённых наций Трюгве Ли письмо, которое гласит:

Уважаемый господин Генеральный секретарь, имею честь просить Вас включить в повестку дня очередного заседания Совета Безопасности 31 декабря с. г. вопрос о рассмотрении нижеследующих предложений, которые я вношу по поручению моего правительства:

«Считая, что всеобщее регулирование и сокращение вооружений и вооружённых сил является важнейшим мероприятием по укреплению международного мира и безопасности и что реализация решения Генеральной Ассамблеи по этому вопросу представляет одну из первоочерёдных и главных задач Совета Безопасности, Совет постановляет:

1) Приступить к разработке практических мероприятий по осуществлению решения Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1946 г. о всеобщем регулировании и сокращении вооружений и вооружённых сил и об установлении международного контроля по обеспечению сокращения вооружений и вооружённых сил.

2) Образовать комиссию из представителей стран — членов Совета Безопасности, которой поручить в течение одного или двух месяцев, но не позже чем в трёхмесячный срок подготовить и представить Совету Безопасности свои предложения в соответствии с пунктом первым настоящего постановления».

Примите, господин Генеральный секретарь, мои заверения в весьма высоком к Вам уважении.

Андрей А. Громыко,
представитель СССР в Совете Безопасности.

(ТАСС)